

The background of the cover is a lush, stylized forest scene. In the center, two small, dark silhouettes of figures with spiky hair sit on a grassy mound, looking out over a vast, sunlit forest. The trees are dense and layered, with a warm, golden-orange glow filtering through the canopy. A large, bright, crescent-shaped moon or sun hangs in the sky, partially obscured by the forest's branches. The overall atmosphere is magical and serene. The text is overlaid on this scene: the author's name at the top, the title in large white letters in the middle, and the book number and subtitle in smaller letters at the bottom.

ШУЛЬГА СВЕТЛАНА

ПОСЛЕДНИЙ ХРАНИТЕЛЬ МНОГОМИРЬЯ

КНИГА 1

ПОКА ЦВЕТЁТ РАДОСТЕЦВЕТ

Светлана Шульга

**Последний Хранитель
Многомирья. Книга первая.
Пока цветёт радостецвет**

«Автор»

2023

Шульга С.

Последний Хранитель Многомирья. Книга первая. Пока цветёт
радостецвет / С. Шульга — «Автор», 2023

Первая книга трёхкнижия, написанная на муфлевом языке. Верхний сказочный мир - Многомирье - возник звездаллионы лет назад. В ладу в нём жили удивительные волшебные существа. Самые ужасные из них - великантеры. Самые прекрасно-окие - нимфы-фаялиты. А самые трудолюбивые - крошечные ушастые муфли. Они-то и засевают поля радостецветами, говорят на причудливом языке, любят оладушки, но не терпят обмана. Но вдруг в Многомирье обманом пробирается нечто коварное, злобное и невидимое. Эпоха радости сменяется морочными временами. Над Многомирьем гаснет свет радости. На его защиту призван выйти Хранитель, но он стар и немощен. И на первый план выходит вовсе не герой с мечом, а маленький муфель Хомиш Габинс - существо, что слышит цветы. Это история о том, что даже малое может спасти великое, что чудеса растут там, где живёт любовь, и что Радость цветёт, пока кто-то верит в неё всем сердцем. Неожиданная добрая и по-настоящему волшебная сказка, которая оставит в сердце сияние радостецветов.

© Шульга С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Белоземье закончилось	6
Глава 2. Встречи после белоземья особенно теплы	9
Глава 3. Путь в деревню Сочных лугов	13
Глава 4. Неведомое чудище	18
Глава 5. Норны не носят шляпки	23
Глава 6. Мамушины чаи творят чудеса	27
Глава 7. Бабочки тревожных снов	31
Глава 8. Чрезвычайно важная работа	35
Глава 9. Храм Радости в деревне Больших пней	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Светлана Шульга

Последний Хранитель Многомирья.

Книга первая. Пока цветёт радостецвет

ПРОЛОГ

Есть много миров, о которых не знаем, но от которых зависим. Эти миры создают нашу реальность.

Есть много миров, которые зависят от нас. Это миры, чью реальность создаем мы.

Потому, мой дорогой читатель, ты должен понимать – ты творец. Творец радуг, ураганов, морей, облаков, дождя и снега, и даже творец удивительных существ. Пусть не знаешь об этом, но в тех, иных мирах, ты их создаешь своими поступками, мыслями, словами.

Твой рассказчик, мой дорогой читатель, решил об одном из таких миров поведать. Тот мир называется Многомирье.

Порой сказка – это единственный способ перерассказать. Поэтому будет лучше, если расскажу тебе все, что знаю об этом мире, как сказку. Как добрую, длинную и, возможно, странную и взрослою сказку, что могла бы быть правдой, если бы не была сказкой.

Не удивляйся, мой дорогой читатель, что иногда твой рассказчик будет разговаривать с тобой. Многомирье – сложный большой мир, и чтобы ты в нем не потерялся, я буду твоим путеводителем – или добрым вedom, как говорят в Многомирье о тех, кто готов вести в дальнюю дорогу, – и иногда буду раскрывать тебе какие-то секреты, или пояснять непростые детали, или о чем-то напоминать.

Кстати, о «напоминать»! Нам часто говорят: «Вы ведете себя как ребенок!» Да, давайте порадуем нашего внутреннего ребенка и расскажем ему сказку. И я сам поступлю как ребенок: это моя сказка, и поэтому я начну ее оттуда, откуда хочу.

Ты приготовился, мой дорогой читатель, смеяться и плакать, сожалеть и удивляться, терять и находить, слушать песни и плач?

Ты готов вступить в битву за целый мир?

Готов?

Тогда отправляемся в добрый дальний верхний мир – в МНОГОМИРЬЕ!

Глава 1. Белоземье закончилось

Муфель Хомиш вздрогнул и проснулся.

Откинул на подушку свое ухо, нависающее над левым глазом. «Кажется, уши немного выросли», – отметил муфель и опасно привстал. «Тревожно что-то», – промелькнуло в голове.

Слишком уж плохие сны приходили к нему в это белоземье. Такие не приходили никогда за все двадцать лет детства.

Хомиш мотнул головой, словно попытался прогнать самую назойливую бабочку сна, и осмотрелся. Все вокруг было по-прежнему, но что-то неуловимое изменилось.

Так же лениво скользил по холщовой наволочке с вышитыми мелкими соцветиями любого цвета, любимого цветка мамы Фло, игривый луч отдохнувшего светила.

Так же, как и прежде, рядом с ним утаптывал воздушное одеяло мурчун. Учув, что хозяин зашевелился, пушистый домашний зверек запрыгнул на подушку.

– Пою-у-ун, ма-а-алы-ы-ыш, – протянул Хомиш и наклонился к любимой пушистой мордочке. – Как раздобыл за белоземье, пузан!

Зверек ткнулся мокрым носом во вздернутый нос хозяина, мявкнул и умчался на шкворчащие звуки, доносившиеся снизу из кухни.

Хомиш потянулся и сбросил ступни на коврик, пошевелил толстыми короткими пальцами и посмотрел на них, словно видел в первый раз.

– Ого. Да я, верно, вырос, – улыбаясь многозначительно, сказал он сам себе и даже потрогал для верности свои лапы, что налились силой, свои уши, что стали слышать острее, исследовал мягкими пальцами лицо – детская пухлость и мягкость ушли из щек, а брови и волосы на голове загрубели. Волосы были уже не как шерсть мурчуна – мягкая и шелковистая, скорее они напоминали отныне шерсть на зашивке каньяки. – Ну а что? Пора б!

Такова природа муфлей, мой дорогой читатель. Они долгие годы пребывают в одной поре, но в последнее белоземье своего детства достигают того роста, в котором и остаются веками. До самого момента, как уйдут по радуге к пращурам.

Для Хомиша это белоземье было последней границей между детством и взрослостью. Как и другие предвзрослеющие муфли деревни Больших пней, как и его дружок Лифон, он спал все холодные дни. Но так больше не будет никогда.

«Поди рассуди, может, и спалось беспокойно оттого», – снова пронеслось в его еще не прояснившейся ушастью голове, но все же Хомиш был истинно счастлив, что проснулся и больше не придется впадать в детскую долгую спячку.

На кухне Габинсов жизнь бурлила, словно и не было вовсе белоземья, словно не замедлялся каждый обитатель деревни Больших пней, экономя дрова и тепло и оберегая до цветенья горшочки с цветами и своих любимых домочадцев.

Печь трещала не так, как трещат печи, отгоняя от стен иглистую стужу. Сонмы щепок и поленьев пели иную песню, песню наступившей солнечной поре. Теперь-то их не будут так нещадно закидывать в топку. Теперь-то они станут вальяжно лежать в дровнице, и кормить ими огонь будут не чтобы согреть остывшее жилище внутри почтенного пня, а чтобы приготовить горячую еду и просто послушать их ласковую вечернюю трескотню.

Огонь необходим в каждой муфликовой деревне. Ведь из чего бы ни был домик муфля – из пня, камня, песка, веток, даже если он на дереве или на воде, – любой муфликовый дом всегда должен быть согрет. Это роднит муфлей и мурчал. И муфли, и их домашние обитальцы чрезвычайно теплолюбивы.

– Мамуша? Мамуша! Мамуша, чего не разбудила? – намеренно громко крикнул муфель и наострил уши.

Никто не откликнулся, и Хомиш, оставив подушку да перину, заглянул сначала под кровать, потом под кресло, укрытое клетчатым теплым пледом, что стояло рядом.

Тапочек нигде не было, но разве мог такой пустяк опечалить выпавшего взрослого муфля? Хомиш пошлепал босиком на кухню, откуда доносились самые приятные шкворчащие звуки, роднущие голоса и скусные ароматы.

Он спустился по витой крутой лестнице, звонко шлепая и припрыгивая – что скоропрыг, ни дать ни взять.

Кухни у муфлей славятся своими размерами. Пусть спаленки и совсем невелики, даже крохотны, зато каждое муфликовое жилище обязательно заключает в себе просторную кухню и гостиную с камином или печью.

В жилище семьи мамуши Фло и папуши Фио было все, как и полагается.

И сейчас, сидя на стульях с ножками из кривой осины, в ожидании вкуснейшего завтрака – а надо сказать, что стряпня мамуши Фло была лучшей на многие ближайшие муфликовые деревни, – вот в ожидании утренней стряпни и собралась семья Габинсов.

Голоса спорящих папуши Фио и Фрима, выпрашивающее гундосое мявканье мурчуна, шкворчание чего-то очень вкусного на толстодонной сковородочке... Все смешалось в уютной кухоньке.

Старший братиша Хомиша, Фрим, устроился за обеденным столом. По своей привычке он поправлял постоянно думательную шапочку и чертил схемы каких-то невиданных приборов на рассыпанной мамушей пшеничной муке. Папуша примостился недалеко – у печи. Латал сапоги. Кропотливо пришивал квадратную темную кожаную латку на начищенное голенище.

– А чего, – ворчал папуша Фио сам себе в усы, – этим сапогам сноса нет, не выбрасывать же. Хорошие сапоги в квартале торговцев, у обувщика Шнора, стоят как добрый каняка. Поля стали еще больше, пахать надо. Лучше уж в преддверии работ на полях еще жеребчика сладить. Упряжь новую ярко-синюю уж и подобрал я. Загон на скотном дворе приготовлен. Вот и пойду, докуплю каняку. Разумно долдоню, Флошечка?

Но мамуша Фло не успела ответить. Как только Хомиш вошел в наполненную солнцем, скусным дымком и облачками мучной пыли кухню, цвет ее шкурки стал нежно-розовым. Почтенная муфлишка выронила белесую от муки скалку из лап, поправила чепчик, ловко посаженный на высокую прическу, протерла ладошки о белый передник и потянулась всем существом своим к проснувшемуся младшему сынуше.

– Просну-у-улся таки, малу-у-уня, – запела мамуша Фло. – А ну ко мне, Хомиш. Обнимашкаться, шибче обнимашкаться.

Хомиш охотно провалился в большие теплые лапы, и ему показалось на миг, что он сейчас растворится и исчезнет.

– Как спал, Хомиш? – заботливо спросила мамуша и погладила его вихрастую голову. Хомиш посмотрел ей прямо в глаза. Ему было непривычно, но приятно смотреть в глаза мамуше не снизу вверх, а прямо. Мамуша тоже не скрывала того, что любит свое повзрослевшее сынуше.

– Проснулся, и было тревожно, – ответил Хомиш и кивнул всем, кто был в комнате. И Фио Габинсу, и Фриму Габинсу. Папуша и Фрим расплылись в приветственных, но по-мужски скупых улыбках, и вернулись к своим занятиям.

– Зачем же ты тревожился? – отирала лапки о фартук мамуша, заглядывая муфлю в глаза. – Там, где бьется сердце мамуши, там разве есть место страху?

– Знаю, но бабочки снов в это белоземье...

– Ох уж эти бабочки! – хлопнула раздасадованно ладонью о ладонь мамуша. Мурчун, выжидавший, чтобы все отвлеклись на разговоры да дела, было уж приготовился к прыжку за приглянувшимся оладушком, но испугнулся от звонкого хлопка мамуши и пристыженно

забился под стол. Мамуша же дальше успокаивала Хомиша: – Глупые крылатки. Путают они порой сны и принесли тебе чужие. Но теперь же ты ничего не опасаясь?

– Сейчас? – задумался муфель и прильнул к мамуше. – Сейчас хочется мне обнять все наше жилище. Поди рассуди, отчего так.

– И то верно! Рассуди, Флошечка, – поддакнул папуша, отрывая зубами суровую нитку. И уже продолжил бубунить что-то в усы о сапогах, обувшике Шноре и «знатной заплатке».

– Потому что чувствуешь, что оно доброе, – разъяснила Фло, – а все доброе обязательно нужно обнимать. Хотя знаешь, Хомиш, нет!

– Что «нет», мамуша? – переспросил Хомиш и отпрянул от муфлишки на вытянутые лапы.

– Обнимать нужно не только доброе, – улыбнулась мамуша. – Обнимать нужно всякое. Теплых обнимашек достойны все.

– Как и радости? – спросил Хомиш.

– Как и радости, – подтвердила мамуша. Притянула и снова жадно прижала Хомиша к переднику в пятнах муки: – Проснулся мой ма-а-алу-у-уня!

Все на свете стало теплым и пахнущим домашней выпечкой с лепестками любоцвета. И даже мурчун вновь выбрался из-под стола и походя потерся о лапы обнявшихся. Фрим, сидевший за большим обеденным столом, скукожил мордочку, продрозжил «малуня!» да и прыснул от смеха. Все формулы и чертежи, которые братиша Хомиша до этого так искусно выводил ноготком, взлетели вверх вместе с мукой.

– Мамуша, а-ха-ха-хах... а-а-апчхи... – Фрим зачихался и едва договорил: – Мне вот любопытно – когда Хомишу будет, ну, к примеру, а-а-апчхи, лет сто, ты и тогда будешь его «ма-а-алу-у-уня» называть? А-а-апчхи!

Хомиш зыркнул на братишу и поджал губы. Мамуша тоже бросила на старшего укоризненный взгляд, пожала плечами, но не ответила. Тем временем Фрим просмеялся, прочихался и хотел продолжить упражняться в остороумии, но внезапно наехавшая на глаза думательная шапочка с лупоглазыми очками-стекляшками поверх нее помешала закончить, и хриплый бас папуши Фио закончил за него:

– А ну, не умничать тут на кухне! Чего эт?! – Голос папуши смягчился: – И ты, и Хомиш, вы сынуши наши. Оба. И оба для нас всегда будете малунями.

– Папуша! – Фрим вспыхнул и водрузил свои лупоглазые очки на прежнее место – поверх шапочки, а саму сбитую шапочку возвратил на макушку и намеренно громко возмутился: – Я бы хотел выразить свое мнение. Попрошу и тебя, и мамушу с ним считаться, все-таки по праву старшинства я могу об этом просить. Это Хомиш был в белоземной спячке последний раз. А я-то уж почитай как несколько лет не выпадаю в детство. Вы, допустим, Хомиша и можете называть малуней, и ему, предположу, может это даже и нравится, но для меня «малуня» – это слово больше обидное.

– Муку с носа вытри, а потом выражай мнение, – засмеялся папуша. – Фло, послушай, как старший за белоземье сумничал. – Он снова огрел по затылку Фрима, но в этот раз мягко и любя. Ладонь папуши прошла по касательной, и Фрим успел удержать на ушках шапку.

Фло смотрела на всех с нескрываемым обожанием. Морщинки, что лучики, в углах ее глаз светились счастьем. Мурчун совершил свой пушистый круг почета и обтер шерстистым боком лапы каждого, намекая на то время, когда пора пришла сытно набить брюшко.

– Голова старшего стала умнее. Младший на целую голову вырос, а в наших с тобой, Фио, головах добавилось седины. Ну, полно, семья Габинсов, не сердите мамушу, иначе оладушки не подойдут. Никто не любит сердитых лап, оладушки тоже. Даже мурчун.

– Оладушки, – обрадовался и сощурил глаза в предвкушении Хомиш. – Даже в белоземье бабочки приносили мне сны про твои оладушки, мамуша.

Глава 2. Встречи после белоземья особенно теплы

Папуша и Фрим в ожидании вкусного завтрака уселись за стол, а Хомиш поднялся в спальню, чтобы отыскать мягкие полосатые тапочки. Те, что мамуша связала ему на восемнадцатилетие.

В поисках он всем телом залез под свое деревянное ложе и нащупал-таки то, что искал. С улицы раздался свист. Задорный, разрезающий прозрачный, уже набирающий тепло и новые запахи воздух.

Хомиш сразу понял – вызывают его, и сразу узнал, что за свистун. Выскочив стремглав из-под кровати, муфель подбежал, отдернул льняную занавеску и открыл нараспашку круглое окно.

Прямо в него прилетел рыхлый снежок.

– Эгей! – закричал свистун и затанцевал так нелепо, как может танцевать только довольный муфель. – Попал, попал! Прямо в Хомиша попал! Ай да Лифон, ай да меткий стрелок!

Хомиш даже не успел ничего ответить и увернуться, как прямо в его плечо прилетел еще один холодный шарик. Стрелок заливался смехом, а Хомиш наблюдал, как снежки тают и превращаются на полу его спальни в мокрые пятнышки, и ничуть не злился.

– Эгей! – кричал звонко снизу Лифон, сложив ладони у рта, пытаясь раззадорить друга. – А ты чего? Чего не отвечаешь?

– Обожди, сейчас спущусь, – крикнул ему в окно Хомиш и игриво погрозил кулачком.

– Коли схочешь закидать меня, – вскрикнул Лифон, – а и не выйдет, не выйдет! Нет снега больше. Кончилось белоземье. Нет как нет его! Сечешь?!

– Так, да? – Хомиш огляделся, схватил тапок, что нашел под кроватью. – А вот тебе! – И из окна напрямиком в шепутного друга полетел мягкий вязаный тапочек.

Увернуться у Лифона не получилось, и он стоял поверженный, наигранно потирая лоб.

– Тьфу ты! Тапками кидаться не считается, – настала очередь возмущаться и ему. – Ну все, все, хватит. Вылазь. Уж три дня как белоземье прошло, а ты спишь. Видал, что у меня есть! – и Лифон что-то вытянул из своей бездонной торбы и выбросил правую лапку вперед. В ней была книга.

Хомиш подался весь из окна и прищурился. Книга в лапках друга показалась ему знакомой. Муфель стремглав пересёк свою комнату, скатился по лестнице сломя голову, проскочил мимо семейства, ожидающего завтрака, открыл резко дверь и оказался рядом с другом.

– А ну-ка покажи, – затеребил он друга за плечи. – Это, верно...

– Ага, – залихватски подхватил Лифон, подмигнул свободным от низко нависающей на лицо челки глазом и прищелкнул языком: – «Сказ о белоземье».

Это была любимая книга Хомиша. Она всегда лежала рядом. Мамуша читала ему перед белоземьем, или если Хомиш просыпался посреди спячки и долго не мог вернуться ко сну.

– Как она у тебя?.. – удивился Хомиш и протянул свои лапы в ожидании, что Лифон отдаст вещь хозяину.

– Сдалась мне эта книга, – Лифон охотно вложил ее в протянутые лапы и продолжил: – Ждал, ждал, а все не просыпаешься. Я и посматривал одним глазком. И прогонял ею страшных бабочек, что летали над твоей головой. Поганные сны были?

– Да, – тень Хомиша, как и он сам, съезжилась. Шкурка его на мгновение из ярко-фиолетовой стала бледной и приобрела оттенок волнения. Он вспомнил свои мрачные сновидения и вздрогнул. – Тревожно мне от них, Лифон.

– Да не трусь ты. Все давно уже проснулись. Эгей! Все расцветает. Глянь.

– Все уже проснулись? – уточнил Хомиш, но тень волнения так и стояла за его спиной.

– Ага, – утвердительно кивнул Лифон. – Ты последний. Но это пойдет. Последнее белоземье в спячке, да?..

Муфли давно не виделись. Шутка ли, белоземье в Многомирье длится целых три месяца, как и в мире людей. Три долгих и холодных месяца. Зато остальное время – это время цветолетья. И оба муфля наперебой бросились строить планы. Они спорили, загадывали, не зная еще о том, как много испытаний им предстоит пройти. Они забыли о черных бабочках сна, тех, что не давали Хомишу покоя всю холодную пору. А нужно знать, мой дорогой читатель, что бабочки снов никогда не прилетают просто так. А если бабочки были как у Хомиша – черно-красные, так держи ухо востро.

– Хо-о-о-омиш, – вдруг разбил очередной план двух закадычных друзей голос мамыши Фло, – сколько ждать? Все семейство за столом! Оладушки стынут. Шибче завтракать.

– Мамуша, а Лифон с нами? Можно? – спросил Хомиш, но мамыша строго посмотрела на незваного гостя. Тот потупил глаза.

– Лифон некоторое время назад уже попотчевался на кухне у меня. После я его застала совсем не там, куда уходят гости после вкусного угощения. Так ли, Лифон? Была огорчена тем, что он соврал. Доброму муфлю соврать не можно будет. Поэтому, Хомиш, не сегодня, – строго объявила мамыша Фло, после приготовилась уходить, но развернулась и добавила: – Сегодня пусть Лифон подумает, как нужно себя вести в тех жилищах, где для тебя открывают двери и сердца.

– Пойду я, Хомиш, – просипел муфель, хлопнул Хомиша по плечу и, отбросив чёлку, присвистывая, пошел от жилища Габинсов к забору. Сиганул через него и, встроившись в компанию пробегающего молодняка, исчез. Хомиш проводил друга взглядом и зашел в дом вслед за мамышей.

Аромат стоял на кухне мягкой завесой, такой сладостно-густой, что возьми лапкой да потрогай, да пальцы облизни, и почувствуешь вкус карамельного оладушка. И ладно б только это. Аромат гладил, ласкал и говорил сахарные умильные словечки. И рассказывал, как славно, что ты проснулся, как тебя ждали, и что у тебя впереди самое чудное время.

Это был аромат цветолетья. Той поры, которую обожает каждый муфель во всем Многомирье.

– Я тут чего вам наготовила. Давайте шибче кушать, гляньте, что за пухлощeki, – мамыша торжественно водрузила на стол овальное блюдо с самыми вкусными во всем Многомирье пушистыми блинчиками-оладушками. – Все белоземье придумывала, чем бы вас удивить да побаловать. А ну, попробуйте-ка, Габинсы, угадаете, с чем нынче оладушки от мамыши Фло?

Семейство только и ждало этих слов. Восемь лап потянулись и расхватали утреннее угощение. Фло, Фио, Хомиш и Фрим урчали и уплетали оладушки, снимая языком сахарную пудру. Раскусывали что-то мягкое, но волокнистое, прищуривались и прислушивались к вкусу.

– Ну, кто отгадает? Кто? – поинтересовалась Фло и, торжествуя, обвела всех глазами.

– Што-то шильно шкусное, – утер усы и попытался похвалить женушку папуша Фио с набитым ртом.

– Лепестки любоцвета! Ты добавила лепестки любоцвета! – воскликнул Хомиш и лихо закинул в рот новую порцию. Фрим молча наблюдал за суетой и тщательно пережевывал каждый пухляш.

– Хомиш, умный младший сынуша мой. Так и есть, с лепестками любоцвета.

– Вмиг понял, – отвечал довольный Хомиш. – Только у любоцвета такие яркие розовые лепестки, чуть кисловатые и вот с этими прожилками. Вкусно, лапы отъешь, с лепестками любоцвета, мамыша.

Семейство молчаливо согласилось с мнением самого младшего Габинса.

Дело было не в лепестках любоцвета. Все, что пекла и делала мамыша Фло, мгновенно приобретало какой-то особый вкус. Вкус спокойствия и нежного, мягкого, чистого счастья.

От этой ее редкостной способности или просто от того, что она вмещала в себя все тепло и любовь Многомирья, мамуша Фло уже давно признана была всеми деревнями как самая знатная травница, кормилица и изготовительница волшебных чаев. А ведь и первое, и второе, и третье подразумевает, что носитель этих званий чрезвычайно добр, мудр, справедлив и полон любви.

Фрим наконец тщательно прожевал, поднял вверх указательный палец и произнес:

– Тридцать три раза. Все, я прожевал все тридцать три раза и готов тоже с вами говорить.

Фрим, в отличие от Хомиша, не спал уже несколько белоземий, и ему не терпелось поделиться массой новостей, пока рты всех остальных были заняты. Он начал посвящать жующих в новое изобретение, которое он только что сделал прямо здесь, разрабатывая схему на муке, но мамуша Фло, как я уже выше упомянул, мой дорогой читатель, славилась не только как лучшая хозяйка, но и как мудрая муфлишка.

– Разговоры после еды, все после еды! Разговаривать нужно на сытый животик, и тогда даже плохие новости покажутся не такими уж и дурными. Фрим, кушай еще оладушков. Хочешь, дам тебе с медом луноцветов?

– Нет, я, пожалуй, откажусь, – помахал отрицательно Фрим головой в думательной шапочке.

– Может, тебе, малуня? – заботливо поинтересовалась мамуша у младшего.

Папуша Фио широко улыбнулся блестящими от масла и меда усами, но промолчал. Фрим громко засмеялся и, довольный своим старшинством и тем, что его не называли этим словом, засунул очередной пухляш с золотистым зажаристым бочком в рот.

– Мамуша, все лучше не называть меня так, надо мной до упаду вот они смеются, – проговорил в ответ улыбающемуся папуше и смеющемуся Фриму Хомиш.

– Буду говорить, как заблагорассудится, – спохватилась Фло. – Давай я всех так буду называть.

Никто не попытался поправить мамушу. Все – да и Хомиш – знали, что она по-прежнему будет называть малуней только его, но не потому, что двух других Габинсов не любит. Просто Хомиш был младшим и робким. Скорее даже не робким, а трусливым.

Тарелка с выпечкой опустела. Сытая семья сербала чай и делилась планами и новостями. Их разговор тек плавно, как стекает мед с горячего оладушка.

– Ой-ля-ля! Как же хорошо, что сегодня на поля не надо. Хорошо! Люблю отдыхные дни, – откинулся на стуле и порадовался папуша Фио, поглаживая себя по животу.

– Я вот хотел еще с вечера поинтересоваться, а что с соседями такое случилось? – спросил Фрим, припивая чай.

– Всю семейку мамуши Оливы покусали пчелоптицы, – негромко, словно она могла обидеть покусанных и опухших соседей, пояснила мамуша Фло.

– Отчего так? – искренне удивился Хомиш. Его глаза стали размером с чайные блюдца, что стояли перед каждым членом семейства Габинсов. – Пчелоптицы покусали муфлей? – И снова тревожный жар обжег его сердце. – Не бывало такого.

– Испокон веков не бывало, – добавил папуша Фио, прикрывнул и покачал головой. – Вся деревня жужжала, как рой. Ладно б только семейку соседей, так половину деревни покусали злыдни, – папуша Фио снова покачал головой и отвлекся на печку. – Пойду по дровишки. Тепло пока не встало. Надо б подтопить.

Мамуша Фло подхватила рассказ и продолжила уже погромче:

– Да, в этот раз все пчелоптицы дедуши Пасечника проснулись раньше положенного. Кто их разберет, что стряслось. Не бывало такого. Злые, голодные. Ох-ох-ох, и гудеж же они устроили. Голова шла кругом. Пасечник кричал, бегал. А куда ему бегать-то? Древнее его и нет никого на все деревни вокруг. Пришлось наварить на всех успокоительного чая, так это хорошо, что еще запасы трав остались. Вот шуму-то было. Всей деревней нашей на выручку

Пасечнику побросались, давай пчелоптиц вылавливать. А их сонмы. Еле переловили. Ну, зато меда будет больше обычного.

В круглом отверстии с пририсованными крылышками во входной двери вдруг зашебуршало, и из него в жилище влетел пушистый комок.

– Кто тут ест мед, а Афи не зовет? Там, где Афи, там и мед, а там, где мед, там и Афи! Медик, медик, где мой медик?

– Афи! – вскочил Хомиш навстречу и раскрыл свои лапы для объятий.

– Кыююю, – заверещал комок, – душечка мой Хомиш проснулся! Афи та-а-а-ак скучала... Ну наконец-то, Хомиш! Кыююю! – Комок провернулся вокруг себя несколько раз, расточая переливающуюся пыль, и завел пискливым голосом уже что-то бессвязное:

– *Кыююю, кыююю,*

Радость совью.

Кыююю, кыююю,

Радость собираю!

– Афи, ну не трещи, не трещи! Не время трещать и песни распевать, – замахала лапками мамуша.

– Афи не трещит, – поджала норна хоботок и снова издала звук норной радости: – Кыююю! Афи радуется. А когда Афи радуется, Афи всегда поет.

Это была норна. Точнее сказать, одна из самых болтливых норн. Хотя разве бывают норны не болтливые? Вопрос риторический и не требующий ответа. Поэтому пусть он парит в воздухе, как и Афи.

Норны, мой дорогой читатель, как и пчелоптицы, бывают дикие и домашние. Афи была не просто домашней норной. Афи была личной норной Хомиша. По ее крошечному мнению, это немного возвышало ее над другими крохами, но настолько немного, чтобы ни в коем случае не задело достоинства ни одной другой норны.

Глава 3. Путь в деревню Сочных лугов

День стоял ясный, ни единое даже облачное перышко не нарушало ровное, ослепительно-синее небесное полотно.

Хомиш вышел за деревню, пересек просыпающиеся поля радостецветов. Вздохнул глубоко и огляделся. По привычке помахал лапой рабочим муфлям, что колготились на полях, те ответили ему молчаливыми кивками. Потом поприветствовал далекую-предалекую гордую вершину Радужной горы, что высматривала сквозь облака все свое Многомирье, и шагнул на ровную широкую тропу, пролегающую сквозь зеленую кочковатую равнину.

– Ну и пусть, что бабочки снов были тревожными, – ободрял сам себя вслух ушастый. – Это цветолетье будет знатным, вон и Радужная гора какая безоблачная, и поля радостецветов силу набирают.

Если посмотреть в это время на каждую муфликовую деревню с высоты полета большого глифа, то можно подумать, что каждая муфликовая деревня зажата со всех сторон живым и переливающимся ярко-желтым браслетом. Это они: поля, засеянные радостецветами. После каждого белоземья радостецветы поднимают желто-белые головки навстречу рабочим муфлям и жадно принимают пыльцу с пушистых брюшков егозливых норн.

В такую пору муфли без меры работают и беспечно веселятся. Поют во весь рот, крепко обнимаются при встречах, собираются по вечерам в жилищах у трескучих свечей или каминов и мечтают, как много радости они испытают и вырастят.

В такую пору блаженство и легкое стрекотанье насекомых растворено в воздухе, а еще предвосхищение чего-то волшебного. Даже ветер Многомирья приобретает немного желтоватый оттенок. Все от радостецветов. Губы сохнут у каждого муфля и становятся сахарными.

Ты пробовал, мой дорогой читатель, пыльцу радости? Ах да! Твой рассказчик забыл, что в мире людей пыльца радости невидима и не имеет вкуса, не то что в Многомирье. Здесь ее можно увидеть, почувствовать и даже попробовать. На вкус она сладкая, но не приторная. Особенно вкусен из нее мед. Такой мед дедуша Пасечник сразу отличает по цвету и аромату. Такой мед он собирает отдельно.

Но я сбил тебя, мой дорогой читатель, с пути Хомиша.

Муфель по обыкновению шел осторожно и неспешно. Путь был недлинный, что торопиться? Он то и дело ловил изящные, как кружева, и тонкие, как струнки, паутинки с летящими на них в цветолетье пауками-вышивальщиками. Любовался перекатывающейся, что гладкие морские волны, сочной молодой травой и ласкал воздушные зеленые перекаты. Прищурился и клонился при виде выглядывавших любопытных цветов, принарядившихся в праздничные лепестки, и тихошенько шептал им разные милые комплименты. И с жадностью исследователя выискивал, высматривал все вновь расцветшее и вновь выросшее.

«А ну, покажитесь! Кто такие?» – мысленно спросил Хомиш у голубых, будто небо Многомирья, мелких соцветий и бережно, словно извиняясь, срезал один из цветов. Так он поступал каждый раз, завидев что-то диковинное. Останавливался, бережно срезал специальными ножницами и укладывал образец в толстый талмуд.

В дни наступившего цветолетья ему хотелось не только наполнить талмуд и закрома бездонной сумки образцами, но и наполнить всего себя изнутри новым светом.

Шел второй час дороги. Пейзаж изменился, и ровная тропинка, что вела по пестрой поляне, стала петлять между невысокими кустарниками, а дальше по ходу движения – между увеличивающимися в размерах валунами, разбросанными повсюду, куда доставал взгляд. Дыхание и лапы муфля порядком потяжелели, острые пяточки со шпорами стали застревать между камней, покрытых мхом и белым лишайником.

Хомиш присел, пошерудил лапкой в своей сумке и достал пузатую скляночку с темно-зеленой жидкостью. Жидкость внутри прозрачного пузырька запыхтела, как и положено знатным напиткам бодрости от мамыши Фло.

Да что там бодрость! Что ни возьми: чаи, настои, составы – все у нее знатное. Хоть какого муфля спроси, хоть из какой муфликовой деревни. Любой подтвердит. Иные лечатся ими. Иные взбадриваются. Муфли деревни Больших пней особенно любят увеселительные ее напитки и те, от которых снятся яркие сны. Муфли деревни Сочных лугов всегда прилетают к мамуше Фло за чаями вдохновения и любви.

– Пыж-ж-ж-жится как! Пенится! – вдруг прожужжало что-то прямо у левого уха Хомиша. – Что за водичка? – Муфель тряхнул головой и попытался поймать крылатую егозу, но поймать норну не особенно-то легко.

– Мамуша напиток бодрости положила в путь, – ответил он и снова махнул лапкой мимо увернувшейся крылатки и рассмеялся, наливая в кружечку новую порцию.

– А мне, мне, мне? Душенька моя Хомиш-ш-ш-шек, крылышки у Афи совсем-то устали! – гудела и порхала вертлявая норна. Она то ныряла в зеленую траву, то исчезала в воздушной крошечной воронке, то вновь выявлялась у кружки.

– Афи, – крутил головой, пытаясь уследить за ней, и растолковывал Хомиш, – норнам чай не нужен, к чему тебе чай?

– Кыююю, вот и подкреплюсь! Афи, в отличие от Хомиша, не спала все белоземье, Афи нужно чая бодрости.

– Афи, не придумывай, – отмахнулся Хомиш, но все же придержал пузырек и не стал его пока прятать в сумку.

– Как ж-ж-же я, как ж-ж-же? Так и говори, что жалко чая для Афи, – обиженно поджала Афи хоботок.

Хомиш решил не портить счастливое время спором с настырной норной. Тем более что переспорить норну не взялся бы ни один муфель, пустое это занятие. И он смиренно капнул несколько капель в открытую лапку, напиток вспенился и разлился миниатюрной лужицей, сделав розовую кожу ладошки муфля зеленоватой.

– Так и быть! Что, действует? А?

– Кыююю, – взвилась высоко-высоко кроха и, повеселев, исчезла в прозрачном воздухе, не одарив хозяина ответом.

– Афи, юрливая Афи, – вздохнул Хомиш и рассмеялся, – Сколько ж суеты от этих норн!

– Афи все слышит! – пискнула норна у уха и вновь растворилась.

Хомиш не сопротивлялся спокойному течению времени и позволял мягкому ветерку обдывать веснушки, рассыпанные по лицу причудливыми узорами, и трепать его острые пушистые фиолетовые с подпалинами ушки.

Эти ушки очень любила ласково трепать мамуша. А мамушу Хомиш любил сильнее всех остальных.

Каждый день, когда он не занимался в своей оранжерее, он двигал для мамыши лестницы в храме Радости, и помогал ей искать нужные свитки или книги, и смешивал и толоч травы.

Но и в оранжерее у Хомиша тоже было полно работы.

Цветолетье за цветолетьем он исследовал растения – и известные, и те новые, что находил. Возился с упрямыми радостецветами и пытался вывести сорт, устойчивый к любым ветрам и любым невзгодам. Иногда он так старался, что мамуша Фло заставляла его спящим сидя рядом с каким-нибудь подающим надежду ростком, гладила по макушке и накрывала пледом.

Мамушиной любви хватало на обоих сынуш, на папушу Фио и на каждого из прихожан, что являлись в храм Радости за волшебными настойками и чаями Фло Габинс.

Вот и в этот раз мамуша позаботилась о «малуне» перед дорогой.

– И береги свои ушки, Хомиш, – отмахиваясь от Афи, напутствовала она. Своими ушками Хомиш отныне гордился. Они повзрослели, стали одними из самых славных во всей деревне. – Ничего не позабыл?

– Приглашение? Тут оно! – и Хомиш похлопал лапкой по кармашку сумки, а Фло обняла его еще раз. – Ну что ты, мамуша, – засопел Хомиш от тесных объятий, – словно я навсегда. Я только отдам Лапочке приглашение на наш праздник и сразу вернусь.

– Если любишь, то не имеет значения, сколько будет длиться расставание, – погладила его по плечам мамуша.

– Мамуша, ну я уже не ребенок, я уже взрослый, – отстранился муфель и поправил перекинутую через одно плечо бездонную сумку.

– Хомиш, – продолжала назидательно напутствовать Фло, – двадцать лет для муфля – это, можно сказать, еще ребеночий возраст.

– Мамуша! – вздохнул Хомиш. – Я пошел, да?

– Я тут для чего говорила? Не пошел, а полетел, – поправила Фло. – Хоть и взрослый, а неслух. Лети на глифе. Так шибче, и сердце не будет тревожиться и выпрыгивать из-под мамушиного передника.

– Мамуша, – упорствовал муфель, – если полечу, думается мне, тогда не смогу проследить, что за новые цветы появились.

Хомиш был любитель ходить пешком. Верхом на глифе или на каняке надежно, быстро, но только пешком можно найти диковинные незнакомые растения или полюбоваться окрестностями.

– Хомиш! – рассердилась и даже несильно притопнула ножкой Фло, подперев лапками бока. – Что для тебя важнее, спокойствие мамуши или новые цветы?

– Спокойствие мамуши, – уверил муфель и наигранно сложил лапки домиком у груди. – Но как же мамуша будет пополнять свою книгу чаев без новых трав и цветов? – Видя, что мамуша тает, он поспешил еще добавить: – Я поостерегусь.

– Хомиш, Хомиш... – покачала головой она. – Если пешком, то подальше от каменных завалов и стонущих пещер. Все белоземье норны разные недобрые слухи по деревням носили. Только храмовые древние книги и Хранитель знают, что за морок может таиться в тех местах Многомирья, куда не попадает свет.

– Мамуша, – густые брови Хомиша подскочили высоко, кругловатое лицо вытянулось, и ямочка на подбородке стала глубже, – с каких пор в Многомирье появились морок и тьма? Что-то сотворилось, пока я спал?

– Сердце мамуши не на месте с недавних пор. Но и то верно, чего я навожу сама-то мороку. Иди, малуня, и убереги нас всех Хранитель!

...После напитка бодрости бездонная сумка уже не была обузой. И Хомиш чувствовал себя совсем большим, сильным и в какой-то мере бесстрашным. Пейзаж вокруг Хомиша менялся. Из высокой травы то тут, то там выпрыгивали дикие норны и пчелоптицы, а то вдруг радованки взметались в небеса, привлекая внимание путника. Все развлекало его и занимало.

«Еще чудик! – Хомиш присел, чтобы полюбоваться невиданным цветком; он крутил срезанное растение и не узнавал. Таких цветов не бывало в его талмуде. – Ни на что не похож».

Хомиш погрузил незнакомца в свою сумку и только тут заметил зонтик из кружева, что лежал чуть поодаль от цветка.

Такие чудесные вещи носила и сотворяла самая славная на все ближайшие деревни муфлишка. Он сразу узнал кружевной предмет.

«Лапочка снова потеряла свой зонтик от неприятностей. Что она скажет, когда увидит, как я вырос?» – мечтательно подумал Хомиш и приосанился.

– Что тут? – вдруг зазвенело у Хомиша в ухе, и он отмахнулся:

– Ну Афи!

– Что тут такое красивое? Цветок? Новый цветок?

– Это зонтик от неприятностей, – продемонстрировал Хомиш находку любопытной норне. – Верно, опять потеряла Лапочка. Как же она без него?

– Опасное это дело, душенька моя Хомишек, шастать нынче между деревьями пешком, – не скрывая раздражения, промолвила Афи, – не на каняке и не на глифе, да еще и без зонтика от неприятностей.

– Но в этом вся Лапочка. – Хомиш, не обращая внимания ни на прохладный ветерок, что подул с северной стороны, ни на тон Афи, все так же мечтательно вспоминал предмет своего обожания. – Она предусмотрительная, бесстрашная, но все же иной раз рассеянная. И самая милая на все мультимедийные деревни.

– Ой, Афи не хочет совсем этого слышать! – закатила глаза норна. – Спаси ушки Афи от этого имени. И потом, а вдруг за белоземье она отъелась печеньем бабуши Круль и покрылась бородавками?

– Афи, не будь такой злючкой, – посмотрел укоризненно на норну Хомиш.

– Да, точно говорю, – брызнула слюной из хоботка норна, – она стала страшная, как клюка Ваха из ее деревни.

– Афи, что слюной брызжешь? – мягко осадил норну Хомиш. – Всех вспомнила, и страшильную клюку Ваку, и бабушу Круль! Что ж с тобой?

– Норны не тратят времени на всякие глупости в виде платишек, шляпок, зонтиков. Поэтому норны знают, что говорят.

– Думается мне, норны говорят слишком много лишнего, – отметил Хомиш, но Афи решила пропустить мимо ушек это замечание. Хорошо, когда у тебя ушки, как у норны, можно всегда сделать вид, что мимо них что-то да промышгнуло. И Афи продолжила как ни в чем не бывало извергать свое недовольство.

– Глаза бы Афи не видали эту выскочку. – Норна скривила мордочку и сделала нарочно противный писклявый голос: – «О, Хомиш, посмотри, какие у меня миленькие рюшечки на воротничке, м-м-м! О, Хомиш, а ты разве не заметил, какие я сегодня завила кудряшки-очаровашки, м-м-м?» Бр-р-р! Она противная и липучая! И совсем некрасивая даже.

– Афи, запрещаю говорить про Лапочку так. И наберись вежливости, она где-то недалеко, раз зонтик тут.

– Ах, раз так, – норна перевернулась от возмущения и попыталась подбочениться крошечными лапками, но куда уж норне, лапки-то совсем коротки, и они повисли в воздухе, – Афи, в таком вот случае, лучше вообще домой вернется!

– Не стану отговаривать, – ответил Хомиш.

– Так вот, да? Ну все, я возвращаюсь, – и Афи снова перевернулась и растворилась в воздухе.

– Возвращайся, – махнул Хомиш в пустоту и только поднял зонтик, как над ним опять прожужжало:

– Я точно возвращаюсь.

– Афи! – взмахнул Хомиш зонтиком.

– Смотри, меня уже нет здесь, – ответила пустота голосом Афи.

– Сказать откровенно, это хорошо. Тишина-а-а, – протянул муфель.

– Афи все слышит! – заговорило возле его уха.

– Но тебя же здесь нет.

– Теперь нет точно.

Хомиш подождал, еще раз позвал Афи, но, на его счастье, уже никто не ответил, и муфель мечтательно вздохнул:

– Лапочка, Лапочка...

У Хомиша стало сладко во рту, как после пыльцы радости или меда из нее. Он двинулся вперед шагом пружинистым и быстрым. Хомиш уже представил, как они увидятся после долгого расставания, как она удивится его росту, а он будет рассказывать о своей новорожденной рассаде радостецветов, как вручит Лапочке приглашение. Она поблагодарит, а потом он достанет ее милую потерю, а она обязательно подарит ему поцелуй. И уже на празднике он обязательно ей признается в том, что она ему мила.

Нет, он даже скажет, что готов ей подарить любоцвет. Хотя нет, дарить Лапочке любоцвет слишком рано.

«Ну а что, – на ходу размышлял и спорил сам с собой Хомиш, – Фрим уже подарил любоцвет Каве из нашей деревни, а Фрим всего-то ничего меня постарше».

Мечтательный муфель не обращал внимания, что ступает по гигантским глубоким следам, которые оставил тяжелый некто. Он пришел в себя только тогда, когда вышел на огромную поляну без единого крупноствольного дерева. Кудрявые кусты цветущего вальтургия, трава, дикие злаки – все шурилось в зеленых улыбках от ярких лучей высокого солнца. Хомиш пробирался сквозь густую сочную поросль, обходя попадающиеся огромные валуны. Эти развалившиеся громадины, как заснувшие в дороге уставшие великаны, подставляли лучам светила один бок, греясь и лоснясь, а другой бок, поросший мхом, красноречиво рассказывал, что эти «великаны» заснули надолго, если не навсегда. Хомиш иногда облакачивался на их буровато-серые жесткие тела, чтобы перевести дыхание и попить еще мамушиного напитка. Стояла редкая для этой поры тишина, и скусные ароматы сочности и просыпающейся жизни заполняли собой все от земли и до облаков.

Глава 4. Неведомое чудище

– Вот и еще. Ярче яркого, кто ж ты такой? – обратился Хомиш к очередному незнакомому цветку, но тот не проявил желания общаться с муфлем.

Цветы, мой дорогой читатель, не великие охотники разговаривать. В отличие от иных словоохотливых трав и кустарников, цветы говорят мало, и то только когда им задают важные вопросы. Но Хомиш – особый. Он знал язык растений, он понимал чувства деревьев и кустарников, он мог разговаривать с цветами, ведал, какие вопросы достойны их ответов, оттого яркие красавицы охотно посвящали ушастого в свои тайны. Но сегодня муфлю не везло. Уже который цветок он не узнавал, и все как один незнакомцы категорически молчали.

Лапка сама потянулась к растению с крупным огненно-красным высоким венчиком, но замерла в воздухе. Каждый лепесток по краю был ворсист и словно бы обрисован неведомым художником черной каемкой. Цветок вызывал странные, спутанные чувства. От его вида на шкурке муфля появились крохотные бугорки и зашевелилась каждая шерстинка. Цветок же не просто не желал общаться, он даже намеренно отвернулся от путника.

– Чудик! Молчишь? Не бывало такого на этой поляне, – обсмотрел его Хомиш и даже попытался заглянуть под подрагивающую от ветерка чашечку. – Молчишь! Тогда ж возьми с собой.

Хомиш посчитал, что цветок непременно нужно изучить в оранжерее и показать мамуше. И обязательно Хранителю. Муфель дотронулся до стебля, но тут же отпрянул. Пальцы словно обдало огнем. Хомиш, что неуклюжий тюк, перевалился через раскинувшийся рядом куст вальтургия, упал на ближайший камень и возопил от боли, на пальцах мгновенно вздулись воздушные пузырьки, как от ожога.

– Ополоумел, Хомиш? – в ответ на его крики зашипел кто-то из-за камня и вслед сильно потянул за закатанный до локтя рукав. – А ну, не кричи.

Прижавшись к мшистому бочку, за развалистым валуном пряталась муфлишка в крохотной, но милой шляпке. Она прижимала пальчик к губам и шипела «тсс-с», пытаясь быть как можно незаметнее.

– Лапочка, ты! – загорланил Хомиш, увидев прямо перед собой ту, к которой шел, сбивая пятки. Он и забыл на радостях о вспухших пальцах и жалящем цветке.

– О, Хомиш, тихошенько сиди, – взмолилась муфлишка. – Не кричи, тсс-с... – и вновь выглянула одним глазком.

Здесь, под мшистым валуном, трава оставалась влажной и лоснящейся. Блестящие лепестки вальтургия покрыли землю под камнем сиреневым ковром, и крошечный детеныш змеекуса поглощал длинным языком росу с них. Земля, как можно было почувствовать, еще не совсем прогрелась и обдавала свежестью. Всего этого муфель уже не замечал. Так близко рядом с ним была самая прелестная муфлишка во всем Многомирье.

– Лапочка, да что ты? – ничего не понимая, но на всякий случай прибрав голос, попытался выяснить Хомиш. – К тебе шел! Чего тут сотворилось?

– Глупышечка вовсе? Сказано, тихо посиди. Тихо – это негромко. Тихо – это вот так, – и Лапочка зашептала едва слышно: – Я только совсем чуть назад времени спряталась, и ты тут как тут, раскричался. Нас приметят, и все. И погибель.

– А ты от меня пряталась или от кого-то другого? – произнес уже совсем тихо Хомиш, настороженно посмотрел влево-вправо и лишь сейчас обнаружил глубокие провалы в траве с северо-западной стороны. Трава была примята и спереди, и позади. Словно кто-то очень большой оставил следы на земле, покрытой влажной молодой порослью.

– О-о-о, Хомиш. Страх какой! Ну надо было мне именно сегодня пойти по неотложным делам, – наклонилась к нему и продолжала шепотом вещать Лапочка. – Что с твоими

пальцами? – заметила она, как Хомиш дует на вздувшиеся пальчики. – Ничего страшного? О, радость, – выдохнула муфлишка после того, как Хомиш махнул лапкой. – Хорошо, что я надела платье зеленое, под цвет глаз. Это совсем новое. У него и крой удобный, и талию оно мою подчеркивает, ну и, как оказалось, прятаться в нем – одно удовольствие. Смотри, правда, я в нем прелесть? И смотри, как я постройнела за белоземье!

Она показала глазами на свою талию, но, сидя в три погибели за камнем, разве можно что-то рассмотреть? Хомиш попытался встать, однако Лапочка приложила палец к губам и настойчиво потянула его снова вниз, за валун.

– Сказать откровенно, не понимаю, – покачал головой Хомиш и решил уточнить: – Так ты не про платье, ты испугалась чего? Я к тебе направлялся, глянь, а там цветок незнакомый, да еще и жалящий. А тут ты...

– Ах, ну да, конечно, – опомнилась Лапочка, привстала, вытянула тонкую шею и выглянула из-за верхушки камня, потом вновь присела, пригнувшись, и зашептала: – Ты разве не видал? Тут великантерша проходила. Не видал ее?

– Велика-а-а-антерша-а-а? – протянул муфель, окончательно забыл о пальцах да волдырях и прижал уши. – Вот так дела. Что-то мне тревожно. Ты, может, путаешь чего? – переспросил он.

– Убереги нас всех Хранитель, – подняла глаза вверх Лапочка. – Она. Точно, я видела. О, Хомиш! Зачем я ее увидела? Теперь буду бояться уснуть, так и будет она стоять перед глазами с этими полурогами, грязными ножищами. Жутчее ничего не видела. Я аж вся дрожала от страха, пока она не ушла. Все из-за зонтика. Стоило потеряться моему зонтику от неприятностей, как эти неприятности на меня навалились. Как другие муфли живут без такого зонтика? Думается мне, невозможно это. Вот как ты справляешься, Хомиш?

– Зонтик! – спохватился Хомиш и погрузил лапу в недра своей бездонной сумки, доставая потерю. Но вдруг краешки его ушей вздернулись, и оба уха развернулись самопроизвольно и заподрагивали. Зонтик выпал из его лап. – Прячься шибче, – успел шикнуть Хомиш и точным движением сшиб Лапочку налево, в куст вальтургия, а сам же зарылся под валун и сrownялся с землей. С каждой травинкой и с каждым серым камешком на ней.

Сердца муфля и муфлишки затрепетали от вида зверя, что приблизился к ним. Зверь в холке был почти в два раза выше любого муфля. Косматые его пегие бока впали. Тупая широкая морда с заостренным носом проворачивалась направо-налево. Зверь зорко осматривал поляну пронзительно-желтыми глазами. Острые длинные когти-клинки вонзались в землю. Было не разобрать, то ли он так чудовищно ужасен, то ли лютости ему придают грязная, неопрятная шерсть, волочащаяся по молодой траве, и слюна, вырывающаяся белыми струями из пасти, как из кастрюли с кипящим бульоном.

Зверь издал пугающий рычащий звук и остановился возле валуна, за которым дрожал Хомиш. Потыкался мягким мокрым носом и, широко раздувая ноздри, фыркнул.

«Фу, фу, не совайся сюда, уходи шибче, страшила, я жалящий, как и тот красный цветок. Даже не мысли меня пробовать на зуб. Кустик вальтургия, уразуми его, чтобы прочь уходил», – проговаривал мысленно Хомиш, пытаясь прогнать зверюгу.

Тот словно услышал мысли Хомиша – или куст вальтургия решил помочь испуганному насмерть муфлю и отвел внимание на себя. Скорее второе, ибо зверюга, тяжело выдувая воздух, неторопливо подошел к цветущему кусту вплотную, втянул в широкие ноздри несколько сиреневых лепестков и зашелся в чихе. Пена и слюна полетели во все стороны. Зверь чихал и чихал. Он не мог унять чих.

Хомиш затаил дыхание. В нем отчаянно боролись страх за себя и страх за Лапочку.

«Сердце трусится. Поди рассуди, не соваться или прогнать зверя? Или отсидеться? Я бы не совался», – панически крутилось в его муфликовой трусливой голове. Мысль «отсидеться» победила, и Хомиш, зажмурив глаза, решил не высовываться.

Было стыдно, но жутчее было муфлю за себя. Он затаил дыхание и решил: «Будь что будет».

На его счастье, прочихавшись, зверь отошел от куста и переключил внимание на лежащий розовый зонтик.

И тут воздух взорвался от гулкого и громогласного крика, такого жуткого, что язык холода пробежался по холкам под шерсткой у обоих муфлей:

– Э-э-эй, ты где? Э-э-эй, Шэ-э-эм! Э-э-эй!

Зверь проворно развернулся тяжелым задом, издал утробное рычание, да такое, что все, кто утаивался до сей поры под валунами, все, кто копался в траве и собирал нектар для меда, все чешуйчатые, крылатые и хвостатые разбежались врассыпную и разлетелись. Мимо Хомиша пронеслись с беспокойным жужжанием золотистой стайкой пчелоптицы и несколько норн с ними. Они метнулись, стрекоча крошечными перепончатыми крылышками, и растворились за горизонтом. А громогласное трубное: «Э-э-эй, Шэ-э-эм, где ты-ы-ы?» – повторилось троекратно.

Зверь схватил в зубы зонтик, явно предпочитая появиться перед глазами своего хозяина хоть с какой-то добычей, и был таков. От него остался только щекочущий ноздри мокрый звериный запах да ужас в муфликовых головах.

Хомиш и Лапочка не решались выглянуть из своих убежищ и еще некоторое время прислушивались. Пугало все. Но, наконец, установилось спокойствие. Первой из кустов показалась шляпка на голове Лапочки.

– Хомиш, Хомиш, жив ты там? – зашикала муфлишка и стянула свою шляпку.

– Жив. Едва жив, – процедил стыдливо Хомиш.

Оба с оглядкой вышли и уселись на спасительный валун. Хомиш еще дрожал, а Лапочка пригнулась к шляпке и морщила аккуратный носик.

– Нет, ты видал, ты видал?! Фу-у-у, он своим мерзким чиханием попортил шляпку. Это чудище попортило мою дивную новую шляпку. Жутчее не придумать. Не упасть бы в бомбо-рок от этого запаха. – Лапочка поднесла шляпку Хомишу под самый нос, тот сумел не отстраниться. – Понюхай, Хомиш, пахнет?

Хомиш не хотел расстроить Лапочку и промолчал.

Молчать о правде и говорить неправду – это разные вещи. Об этом знает каждый муфель.

Ничего не сказать – это значит не обидеть. А произнести заведомую ложь... О, так не принято у добрых муфлей. Муфли всегда говорят правду и только правду. Ну, либо тактично молчат. Таков закон.

Вот и Хомиш промолчал и стал что-то искать в своей бездонной сумке.

– Уж не шляпку ли ты там пытаешься сыскать? – оживилась Лапочка и поникла после того, как Хомиш ответил, что надеялся найти остатки успокаивающего чая от мамы, но нашел только напиток бодрости. – Мало того, что это чудище утащило мой зонтик, так я сейчас еще и отвратительно некрасивая, – вздохнула Лапочка. – И, верно, пахну прегадко.

Ей хотелось плакать, но она сдерживалась и изредка трогала указательным пальчиком нос.

– Как бы не расплакаться. Нельзя. Я когда плачу, такая становлюсь неприятная, и кожа краснеет. Нет, плакать нельзя сейчас, – бормотала немного растерянная Лапочка. На нее это было не похоже. Обычно находчивая и смелая, она сейчас неприкрыто куксилась. Хомишу стало так стыдно, как никогда, и даже куст вальтургия смотрел на него с осуждением.

– Тебе кажется, – наконец решил он успокоить Лапочку. – Ты красивая. – И совсем тихо добавил: – Для меня всегда красивая.

– Значит, это мне от страха кажется? – обмякла Лапочка и немного упокоилась. – Ну конечно, от страха и не такое напридумывается. Страх, он ведь все увеличивает, как очки у

соседской бабуши Круль. Ну, той, у которой самыми первыми в саду цветут дивоцветы. Ты еще просил у нее ростки, чтобы вырастить такие же редкие розовые дивоцветы.

– А, да-да, вспомнил, – оживился Хомиш, отвернувшись от куста, что выпятился на трусливого муфля каждым сиреневым цветком. – Ее дивоцветы прижились. Нужно будет обязательно отнести ей мамушиных оладушек. Мамуша сказала, что пышнее кустов дивоцвета она во всем Многомирье не встречала.

– О, оладушкам бабуша Круль обрадуется. Но вот ее дивоцветы пожрали скоропрыги. Развелись они за белоземье. Ну я же не об этом тебе рассказывала. Конечно, а о чем? А-а-а, об очках бабуши Круль. Ты видел ее очки? Не видел? Она слеповатая, как отживший каняка, и ее очки увеличивают все в звездаллион раз. А если подумать, что через ее очки посмотреть на страх, так какого он будет размера? Как раз страх будет размером с великантершу. И жить вовсе не схочется. О, Хомиш! Это хорошо, что мне кажется, а то такую шляпку я второй раз не смогу повторить. Я разболталась? Ну конечно, это, Хомиш, тоже от страха. Кстати, такого зверя раньше я не видела. Может, это за белоземье кто-то из мира людышей к нам пробрался? Что-то какое-то неудачное было белоземье. Убереги нас всех Хранитель.

– Кто ж знает, – пожал плечами Хомиш, продолжая стричь воздух ушами. – Главное, чтобы мамуша не узнала, иначе она меня совсем перестанет отпускать ходить пешком.

– Глупышеч! – легко стукнула лапкой по лбу Хомиша муфлишка. – Все все уже знают, видел же, норны с пчелоптицами выпорхнули. Точно уже норны разнесли новость другим норнам. А уж ежели новость попадет на язычок к норне, ну ты знаешь. Что за день, одни неприятности! – Лапочка снова заволновалась. – Как же быть мне без зонтика теперь? Как думаешь? Этот зверь его съест? Не будет же он ходить под ним?

– Благодаря твоему зонтику мы, может, и остались живыми, – проговорил, озираясь, Хомиш.

– Он украл мой зонтик! Этот немытый, невоспитанный зверь еще и воришка! Хомиш, ну что за день?! Все, все, все! – воскликнула Лапочка и вскочила с валуна в полный рост, потянув муфля за лапку вслед за собой. – Хомиш, я не хочу смотреть на страх через увеличительные очки старой Круль. А когда вспоминаешь про страх, это все то же, что увеличиваешь его еще и еще в разы. Ох, ладно. Жаль, конечно, мой зонтик, как я теперь без него?

– Я попрошу Фрима, он тебе сделает новый. Он ведь изобретатель, – предложил Хомиш и осторожно соскользнул с камня, не переставая осматривать окрестности.

– Фрим? – иронично переспросила Лапочка. – Этот твой братиша, который недоизобрел самополивательницу для полей радостецветов? Который перепутал формулу и вместо порошка для быстрого разжигания печей сделал порошок, взрывающий печи? Который...

– Лапочка, – настала очередь перебить ее муфлю, – не будь такой злочной. Тот самый братиша мой. Ну, другого-то у меня нет. Откуда?

– Хомиш, – наклонилась к нему Лапочка, лицо ее сделалось и смешным, и серьезным одновременно, она эмоционально замахала лапками, – глупышеч, я хочу прятаться от неприятностей под зонтиком, а не чтобы неприятности под зонтиком меня замучили до глубокого бомборока. Нам, муфлишкам, бомбороки и неприятности крайне вредны. От первого болит голова, от второго появляются глубокие морщинки. Сама снова сделаю, – сказала как отрезала Лапочка и резко дернула Хомиша за рукав: – Пошли. Разумно будет тебе проводить меня.

И муфли засеменили рядом вниз по поляне к деревне Сочных Лугов.

Хомиша страх еще не совсем оставил, но ему так хотелось загладить вину перед красивой муфлишкой, что он охотно согласился. Рядом с ней ему казалось, что он выше ростом и осанистей. Его муфликовое сердечко билось рядом с ней не от страха, а от другого чувства. От этого муфель периодически придерживал то самое место на груди: уж не выскочит ли?

– Что все трогаешь? Сердце от страха дрожит, как подбородок у морщинистой бабуши Круль? – засмеялась беззлобно Лапочка, но тут же осеклась. – Хомиш, а ты бы меня спас, если

бы это страшилище... ой, вспоминаю, и опять меня дрожь бьет. Ты бы спас меня, если бы оно меня захотело... ну не знаю... съесть?

– Я бы очень хотел тебя спасти, – сказал Хомиш и внутри залился густой краской стыда за то, что на самом деле струсил и его муфликовая душа ушла в его пушистые острые муфликовые пяточки.

– Ладно, – фыркнула и задрала нос Лапочка, – будем считать, что спас бы. Мне так интереснее и приятнее считать. А я всегда предпочитаю выбирать считать так, как мне приятнее. Это мой рецепт красоты. Поэтому я не буду тебе говорить, что я все поняла: ты в очередной раз струсил.

– Но как же ты не будешь говорить? – попытался уточнить Хомиш и осекся. – Ты об этом уже сказала.

– Ах, вслух сказала? – взмахнула лапками муфлишка и подперла щеки. – Надо же! Ну что ж. Теперь ты об этом знаешь. Нет, ну а что, лучше уж тебе знать о том, что ты трусишка. Так ты будешь знать про себя правду и не наделаешь глупостей. И не нужно так переживать. Подумаешь. Одни любят кушать, иные любят носить красивые шляпки, а ты любишь всего бояться. У каждого свои слабости. Я вот красивая. Хотя, хм. Это же не моя слабость, это же моя сила. Ну, какая разница. Я красивая, и поставим на этом точку.

– Лапочка, – пролепетал Хомиш виновато, – прости, а? Мне до икоты стыдно.

– Мог бы об этом и не говорить. Видно же. Твоя шкурка поменяла цвет на ягодно-красный. Это цвет стыда.

«Или другого чувства», – подумал про себя Хомиш, но решил промолчать. В этом случае Лапочка была права. Он залился краской стыда.

Быть муфлем, скажу я тебе, мой дорогой читатель, не очень удобно. Точнее, совсем неудобно. Видите ли, шкурка муфля имеет свойство менять свою окраску в зависимости от того, что он чувствует. И это «карашмар» – по выражению самих муфлей и норн – как неудобно.

– Ну, пошли прытче, я ведь тебя чудесно знаю от макушки до шпор на пяточках, так что, Хомиш, перестань стыдиться. Не всем же быть смелыми и отважными. Кому-то надо быть просто радостениеводом, как ты. Я не обижаюсь, вот ни капулечки, ни капюлюсечки не обижаюсь.

Глава 5. Норны не носят шляпки

Муфли вошли в редкий лес из невысоких деревьев, с зарослями вальтургия да полянками ковынь-травы и дикой солодрянки. Через этот лес проходила натопанная широкая тропинка, а за ним раскинулась деревня Сочных лугов. Деревня с зелеными крышами, поросшими травой да цветами. Лапочка рассказывала, что на некоторых крышах даже ягоды и грибы собирать можно.

Хомишу было волшебнo хорошо снова идти с ней плечом к плечу. За белоземье накопилось столько новостей, и муфлишка болтала и болтала, а он изучал ее, как новый цветок: кожа Лапочки выглядела мягче и приятнее в оттенке, щечки округлели, глаза стали яснее и больше, пушистые опахала ресниц делали их еще прекраснее, чем в прошлое цветолетье.

Она же рассказывала, как в это белоземье ей плохо спалось. Как она однажды проснулась, и ей до щекотания в носу захотелось, чтобы скорее пришло тепло, и они снова чихали от пыльцы радостецветов и визжали, убегая с Хомишем от докучливых норн. И еще, что она особенно любит цветолетье за то, что можно наконец-то надевать все свои цветастые платья и гулять в них по деревне. И после этого ей сразу пришла идея связать платье для самого любимого праздника всех муфлей – праздника Большой Радости и воцарения вечного мира. Она вязала, а ветер выл так громко, что ей стало тоскливо, и она снова уснула.

– Обожди, – спохватился Хомиш и остановился. – У тебя есть платье, а я как раз нес тебе приглашение на праздник Большой Радости в нашей деревне. – Муфель рылся в сумке, внутри что-то брянькало, шуршало, звякало, тыщкало...

– О радость, радость! – захлопала в лапки муфлишка и невысоко подпрыгнула. – Разумно и правильно будет пригласить в ответ тебя на наш. Когда же у вас праздник? Ах, до икоты люблю праздники. Опять на храмовой площади? Как в прошлое цветолетье?

Хомиш выпрямился, кивнул.

– Он совсем скоро, через тридцать дней. На храмовой площади, где ж еще вместить всех званных муфликовых гостей Многомирья.

– О, Хомиш, – отошла на пять шагов и осмотрела его с головы до ступней муфлишка, словно увидела в первый раз, – я и не заметила от страха. Что за славные стали твои уши. И, – она вернулась и прислонилась к его плечу, – ты ведь стал много выше. – Лапочка искренне восхитилась: – О, Хомиш!

– Вот на столько выше! – вскинул вверх лапки Хомиш и потревожил ветки дерева. Дерево зашуршало и осыпало муфлей, мило беседующих под его кроной, листьями.

– Что за невоспитанное дерево, – возмутилась Лапочка, скидывая со шляпки листву и мелкие ветки, – почему оно сбрасывает листья на нас, даже не спрашивая нашего разрешения?! Хомиш, а ты можешь вывести такой вид деревьев, чтобы они никогда не сбрасывали листья?

Хомиш замер в недоумении, но тут же нашелся. Он укоризненно глянул на дерево и извинился за него. Дерево подобрало ветви вверх.

– Лапочка, мне не под силу это. Но к чему? Любое дерево должно будет сбросить листья когда-нибудь. Иначе оно не родит новое, а погибнет под грузом увядшего. – Хомиш глянул на дерево и добавил: – Видала, оно обиделось на твои слова.

– Может, ты прав, – благоразумно согласилась муфлишка. – Но я не буду извиняться перед этим деревом. Оно-то тоже не торопится извиняться.

– Это дерево арбор, – погладил ствол муфель, и дерево словно откликнулось, покачивая ветками. – Под ним любят прятаться лалани, оно спасает от жары, и еще, если ты ему понравись, оно может спрятать тебя от любой неприятности.

– А-а-а, привет, дерево арбор! – присоединилась к муфлю Лапочка и тоже погладила древесный ствол. – Это из твоих листьев был сделан мой зонтик? Мой потерянный зонтик. Но теперь я сделаю новый. Хорошее дерево.

Хомиш не отпускал лапку от коры и трепетно трогал сучки и шершавые выпуклости. Дерево шуршало.

– А если сидеть под ним долго-долго, то можно стать его частью. Оно будет защищать тебя, присыпать острыми листьями. Юрливые насекомые начнут на тебя без испуга присаживаться и мыть мохнатыми лапками мордочки размером с крошку печенья. Ветер будет обдывать мягко шерстку, но насекомые не испугаются, а пчелоптицы станут искать на тебе цветы, чтобы собрать мед с нового диковинного растения. Со временем можно врасти в землю и тоже стать деревом арбор.

– Не уразумею, зачем, Хомиш? – недоуменно спросила Лапочка и махнула лапкой, предлагая продолжить путь.

– Чтобы так же защищать тех, кто тебе нравится.

– Странно и сложновато. Чтобы защищать тех, кто тебе нравится, совсем не обязательно становиться деревом, – рассуждала муфлишка.

Они приближались к деревне Сочных лугов и не могли наговориться. Попробуйте не увидеться со своим другом целое белоземье, и у вас накопится звездаллион новостей и вопросов.

– Лапочка, – делился Хомиш, – еще я вывел новый сорт радостецветов. Они взошли и столько пыльцы выбрасывают! Все светится. Я тебе обязательно покажу на празднике. Ты придешь, верно?

– Ты же меня чудесно знаешь, о Хомиш, разве кто-то больше меня любит праздники? Никто. Никто так не любит вертеть юбочкой в праздничных танцах. Никто так не любит петь громче всех на площади. Надо будет придумать новую шляпку для моего вязаного платья.

Лес остался позади, они шли сквозь поляны радостецветов, и впереди уже виднелись зеленые травянистые крыши. Все их разговоры теперь только и были о будущих праздниках, новом платье и испорченной шляпке Лапочки.

– Этот зверь, Хомиш! Кстати, ты заметил, что имя его такое же, как у помощника Хранителя? Шэм!

Хомиш пожал плечами.

– Что с того? Вот и книга есть про какого-то Шэма. Хорошее имя, – успокоил и себя, и муфлишку Хомиш.

– Имя хорошее, зверь пристрашный, – отметила Лапочка. – И все-таки, как ты мыслишь, откуда он? В вашу деревню норны не приносили никаких таких новостей?

– Нет, – почесал затылок муфель. – Ни мамуша, ни Афи ничего такого не рассказывали.

– Афи? – скукожила носик Лапочка. – А, это такая юркая норна? Она миленькая.

– Да, и она такая же смелая, как и ты, Лапочка.

Хомиш снова покраснел, в этот раз не от стыда, а от смущения, но Лапочка даже не обратила внимания на то, что шерстка муфля сменила цвет.

– А по нашей деревне норны разносили, но не верила я. Совсем не верила. Пока сегодня ее не увидела.

– Что разносили? – остановился Хомиш, но Лапочка потянула его, и муфель послушно пошел дальше рядом с ней.

– Про эту великантершу. Норны ее видели у жилища Хранителя. Хомиш, как ты думаешь, великантерша ведь никогда не сможет прийти в наши деревни?

– Лапочка, зачем ей к нам приходиться? Думаю, что нет.

– О, Хомиш, – продолжала тревожный для Хомиша разговор муфлишка, – кто ж их знает, этих великантерш. Не бывало их никогда в наших краях, и вот откуда-то взялась. Поселилась где-то и живет там с какими-нибудь страшными мыслями, не иначе.

– С какими? – снова остановился Хомиш.

– Вдруг она охотится за Хранителем? – теперь остановилась и Лапочка и внимательно посмотрела на муфля. Хомиш подумал, прислушался к себе и к тому, что вокруг, но решил не показывать больше Лапочке свою трусость.

– Зачем ей Хранитель, – решительно заявил он Лапочке, – сама посуды?

– Откуда мне знать? – призадумалась она. – Может, чтобы его съесть?

– Да что ты заладила, съесть да съесть! – не сдержался Хомиш. – Неужели она может быть настолько опасной?

– Конечно, – кивнула муфлишка, – все, кто одиноки – очень опасны.

– Ну, это не от злости. Это от отчаяния. Знаешь, когда я бываю одинок, мне тоже хочется кого-нибудь съесть.

Лапочка засмеялась.

Им было так уютно вместе, что они даже не заметили, как воздух возле них пошел кругами и из ниоткуда выскочила Афи. Норна сморщила хоботок и, поведив им туда-сюда, полетела сзади сначала к Хомишу и глубоко вдохнула, потом подобралась к Лапочке, втянула воздух и громко чихнула.

– Кто тут? – ойкнул Хомиш, прижав уши, и Лапочка сделала то же самое.

– Чует Афи, тут пахнет чем-то липучим!

– Афи, – заругал ее перетрусивший муфель, – ты что, хочешь, чтобы я испуганный стал совсем?!

– Афи и не думала пугать. Афи примчалась спасать! Норны прилетели, наговорили про вас всяких ка... а-а-апчих, ка... а-а-апчих!

– Да чего ты расчихалась? – спросила изменившаяся в лице Лапочка, явно недовольная тем, что им помешали болтать с Хомишем.

– А чего ты так пахнешь, а? Карашмар!

– Я пахну? – выпучила и без того огромные глазницы Лапочка и пошла на попятившегося муфля. – Я все же пахну, Хомиш?! Ты мне сказал неправду?

– Не обманул, отчего бы, – перестал пятиться и остановился Хомиш, – я промолчал, ведь расстроить тебя – это было бы очень-очень неправильно.

– Жутчее не придумать! И что теперь? – скуksилась муфлишка. – В моей деревне все пахнут цветами. Представляешь, если я зайду и буду вонять? Меня все засмеют. Даже хуже. Все, все перестанут говорить, что я самая красивая.

– Лапочка, не расстраивайся. Хочешь, Афи принесет тебе новую шляпку?

– Норны не носят шляпки, – сразу решила внести ясность Афи, и ее шарообразное тельце стало чуть больше. – Норны носят новости, слухи и пыльцу радости. Но не шляпки! Нет, не шляпки!

– Афи, ты можешь принести новую шляпку Лапочке? – Афи надулась еще больше и отрицательно цокнула. Хомиш сложил лапки у груди домиком: – Афи, это важно очень. Тебе под силу. Прошу! – взмолился он, и Афи сдалась.

– Так и быть, – выставила вперед лапку норна и уточнила: – А она не тяжелая?

– Нет, нет, – подхватила Лапочка и затараторила: – Прошу тебя, Афи! Не уразумею, что может быть хуже и неприятнее, чем ужасно пахнущая муфлишка. Любую мою шляпку, самую легкую, главное, чтобы она не воняла.

– Не буду я нюхать твои шляпки, – снова цокнула Афи, и Лапочка опять скуksилась.

– Это она от расстройства так говорит, – вступился Хомиш. – Афи, просто принеси любую шляпку, какую сможешь унести. Я тебя за это награжу двумя... тремя порциями меда!

– Хорошо, – любезно согласилась норна, – тремя.

– Уговор! – подтвердил Хомиш.

– Кьююю! При таком случае Афи готова носить вам шляпки хоть каждый день. Я туда и обратно, – заторопилась норна. Воздух пошел кругами, и толстенное округленькое тельце растворилось, войдя в воздушную воронку. Хомиш хотел было предложить Лапочке мамушиного чая, но не успел. Шустрая помощница уже вынырнула из пустоты. Точнее, вынырнула шляпка.

Лапочка ловко поймала левитирующую шляпку и гордо водрузила на голову, прижав ею острые ушки.

– Ну как?

– Очень мило! – поторопился обрадовать Лапочку Хомиш.

Лапочка залилась серебристым смехом. Афи же, не упуская возможности, начала порхать и кружиться вокруг нее, кувыркаясь и подставляя смеху счастливой муфлишки то одну, то вторую сторону круглого, как снежок, тельца. Каждая ворсинка на нем стала переливаться и напитываться звенящей пылью радости. Той пылью, которую любая норна ищет во всех мирах, находит, собирает и бережно переносит на поля, чтобы стряхнуть ее в раскрытый в ожидании бутон радостецвета.

– Кьююю, – затарахтела Афи, – норна все сделала, норна понесла пыльцу, – и исчезла в воздушных завихрениях.

– Как невоспитанно. А попрощаться? – скривила милый ротик Лапочка, но норны и след простыл. – Неугомонная она.

– Ага, – кивнул Хомиш. – Есть немного, зато она славится тем, что самая шустрая и сметливая.

– Хм, – снова скривила рот Лапочка, но учтиво промолчала, решив, что можно простить норне Хомиша ее невоспитанность за то, что она спасла репутацию Лапочки. А репутация у муфлей – это все.

Глава 6. Мамушины чаи творят чудеса

Обратно в деревню Больших пней Хомиш шел уже без остановки.

«У Лапочки зонтик, под которым безопасно. Что ж у меня? Лишь острые ушки да быстрые лапы со шпорами. Да сердце, что трусится, как сердце скоропрыга».

От таких мыслей шаг Хомиша прибавлялся и пружинил.

И вот-вот уже выглянут приветливые остроконечные «шляпы» муфликовых жилищ и серые древесные стены, и вот-вот станет слышно, как крокочут глифы на задних дворах да фырчат на полях радостецветов каняки. И вот-вот Хомиш поймает знакомый далекий голос деревенского бригадира Фио Габинса.

Но, к великому ужасу, ушки Хомиша уловили совсем другой звук – неясный шорох.

«Что за день?! Зонтик потеряла Лапочка, а неприятности по пятам за мной, хоть бы Афи прилетела, все не так сердце бы трусилось. Но Афи, как назло мне, умчалась по каким-то своим норным делам. И какие могут быть дела у норны, кроме как собирать радость и сплетни?» – Хомиш остановился, чуть пригнул голову, и его уши стали стричь воздух.

Снова рядом зашуршало, потом зашипело, и Хомиш почувствовал, как на спину что-то навалилось. Сердечко стремительно улетело в пяточные шпоры, лапы подкосились.

– Ага-а-а! – ликовал Лифон. – Ой, не могу! Ускакало сердечко Хомиша, как скоропрыг! Ой, не могу! – он смеялся и катался по траве рядом с осевшим от страха другом.

Хомиш подскочил, одернул кафтан и, едва сдерживаясь, чтоб не рассмеяться самому, устроил другу выговор:

– Лифон! – смотрел уже Хомиш сверху на икающего и заливающегося смехом муфля. – Вражина ты такая! Я чуть от страха не врос в землю.

Но Лифон не слышал. Он бил себя лапами по животу, смеялся и оставлял примятые следы на молодой траве.

– Ты бы видал, – наконец смог выговорить Лифон, – ой, не могу! Ты бы видал свою мордаху! Скоропрыг, как есть скоропрыг.

– Только б путать да пугать, – уже обиженно ответил Хомиш и демонстративно отвернулся.

Лифон наконец просмеялся, собрался, встал и сбил с себя лапами листья и ветки.

– Ну нипочем не обидно ж, сдуй щеки, – примирительным тоном обратился он к другу. – Ты всегда такой уморительный, когда застращен.

– Обижусь навсегда, и знай тогда, – небольшо толкнул муфля кулачком в плечо Хомиш. – Кто с тобой тогда дружить будет? Кто? С тобой и так никто не дружит. Значит, никто! И даже больше, чем никто!

– Теперь ты меня застращал, – ответил несильным тычком Лифон и дунул на нависающую на глаз челку. – Один-один! Все, не стану больше на тебя наводить страх.

– Вот так и все?

– И не все! – Хомиш посмотрел удивленно: поди знай, когда этот Лифон опять учудит. – Ну, если ты так сильно обиделся, – тон Лифона стал мягким и извиняющимся, словно он действительно понял, что в очередной раз зло пошутил, – ну хочешь, я тебе покажу, чтобы ты не обижался, что я нашел?

– И что же? – заинтересовался Хомиш.

Я говорил, мой дорогой читатель, что роднит муфлей и их домашних мурчал? Ах да, в прошлый раз я открыл тебе о тепле. Но есть еще одно качество, которое их роднит – это любопытство. И те, и другие жуть какие любопытки. А это качество, каждый знает – чаще недобрую службу служит.

– Ага! Смотри, какой камешек, ладно, что и крохотулечный, зато глянь, видишь в нем радугу? – раскрыл ладонь Лифон прямо перед носом Хомиша. – Ай да Лифон, да? Ай да ценный камешек нашел!

– Верно, радужный. Что это за камешек? – повертел Хомиш находку в лапках.

– Не знаю. Может, с Радужной горы поднебесной, а может... больно надо думать-то. Отнесу моему братцу, и дело. Он все камни собирает. Неси, говорит, Лифон, мне камни, коли найдешь редкие. А если радугу в камне углядишь, неси, говорит, шибче. Вот и этот отнесу и выменяю на него золотые монеты.

Муфли двинулись вперед. Дорога расстилалась прямой ровной широкой лентой, ведущей в самую большую и крепкую деревню во всем Многомирье.

– Вот и я про что? Красивый. И, верно, точно полезный. Все красивое не может быть бесполезным и дешевым. Так что Фриму твоевойному придется раскрыть свою монетницу. Ну а если Фрим не возьмет, на ярмарку отнесу в квартал торговцев. Там, верь мне, охотники на такую блестяху точно найдутся.

Лифон спрятал поглубже в бездонную торбу находку, похлопал для надежности. И только они увидели крыши жилищ с поднимающимися над ними тонкими струйками дыма, как в небо взметнулось и издало крокошущий звук огромное крылатое серое туловище с тремя головами. Лифон и Хомиш встали, как вкопанные деревья.

– Видал это, Лифон, видал?! Это большой глиф! – воскликнул Хомиш и ткнул пальцем в небо. – Три головы у большого глифа Хранителя, больше ни у одного. У всех остальных одна.

– Что ль я слепой? Нет, – подтвердил, вглядываясь в удаляющееся пятно, Лифон. – Это Хранитель!

– Да, Хранитель на Радужную гору полетел. Верно, опять к мамуше за чаем прибывал.

– Хм, зачастил к нам чего-то, – настороженно хмыкнул Лифон, – только и слышно бело-земные сплетни: Хранитель прилетал то, Хранитель прилетал се. Повидать б его. Разговор у меня к нему есть.

– Мамуша сказала, Хранителю не до разговоров, – произнес, провожая взглядом улетающего, Хомиш. – Хмурый стал и неразговорчивый, оттого надобится ему больше настояев да чаев. – Муфель призадумался, внутри него что-то зашевелилось гнусливое, неприятное, как древесные бузявочки под корой. – Что-то все ж случилось за белоземье, – продолжил делиться он волнением с другом, – тревожно мне. Да и мамуша повторяет, что сердце ее за Хранителя трепещет.

– Скажешь то ж. Чего за него переживать? – фыркнул Лифон. – Он же Хранитель. Он всеведущий, он бесстрашный. И, может, даже вечный.

– Нет вечного, – помотал головой и поник Хомиш. – И я не вечный. И ты не вечный. И мамуша не вечная. Даже Хранитель не вечный.

– Скажешь то ж. Как это не вечный? Разве ты помнишь Многомирье без Хранителя? Вот! – присвистнул от собственной правоты Лифон. – Никто не припомнит таких времен.

– Но он глубокий старец. Не мог же он народиться стариком, а значит, когда-то он был таким же, как мы – полнокровным. Он старится, а все, что старится, когда-то вымирает.

Лифон демонстративно зевнул.

– Скукота стала с тобой. Я думал, ты проснешься взрослым, а ты проснулся нудным. Пошли, узнаем, чего он прилетал.

На кухне Габинсов пахло как обычно – выпечкой. Круглое окно было нараспашку, и яркие ставенки издавали едва слышный мягкий скрип, покачиваясь от легкого ветра. На подоконнике, кивая, со всем соглашался нераскрывшийся бутон радостецвета в глиняном горшочке, вторя ему, покачивались расшитые занавески. Афи выныривала из ниоткуда и снова занывала в никуда. Проворная норна не могла упустить возможность полакомиться крошками сдобы, которая уже распространяла ароматы на все комнаты в жилище Габинсов. А там,

где сдоба, там и мед. А уж больше сахарной сдобы норны любят только сладкую медовую патоку.

– А вкусняк еще нет? – уточняла Афи и каждый раз исчезала, как только мамуша строгим взглядом и головой в чепчике давала ей отрицательный ответ.

– Чего ты спрашивал, малуня? Ах, ну да, про Хранителя, – теперь мамуша решила ответить младшему. Хомиш давно устроился рядом с печкой в кресле и вытянул вперед уставшие от долгого похода лапы. Пальцы словно жили отдельной жизнью, то скручивались, то распрямлялись. – Хранитель прилетал за чаями. И про праздник справлялся. Расспрашивал, как готовимся. Что и как в деревне. Не болеет ли кто. Забот и беспокойства у нашего Хранителя столько, что в голове не укладывается.

– Разве раньше он спрашивал? – поинтересовался Хомиш и подвернул лапы под себя, располагаясь удобнее. – Хранитель и на праздники-то не прилетал ни в одну из деревень уж поди сколько лет. К тебе только и наведывается, а про муфлей как и позабыл. Все говорят.

– Правду говорят, – подтвердила мамуша и закивала. – Знаешь, малуня, стал он будто болезненный и тревожный. Чую, он прилетал за чем-то еще, а вот зачем, как разобраться? Выспрашивал про тебя. Как твои пальчики? Зажили после настоя ковынь-травы?

Хомиш глянул на пальчики, что обжег неизвестный цветок. Волдыри сошли, и боль совершенно утихла. Афи тоже подлетела удостовериться, и муфель показал лапу обеим. Афи поджала хоботочек.

– Вот и славно, – отметила мамуша и повторила: – Хранитель, говорю, и про тебя выспрашивал.

– Мамуша, – Хомишу это польстило, и он заерзал в кресле, – если Хранителю надо отвезти чаев, так я отвезу. Мне интересно будет ему рассказать о новых цветах, если позволит.

– Что-то нашел? – отвлеклась мамуша от стряпни, развернулась к сынуше и обтерла лапки о фартук. – Ну, что молчишь, малуня? Давно я не ходила никуда дальше нашей деревни и храма. Расскажи хоть, что нашел, кого видал?

– Видал Лифона, – вспоминал и перечислял Хомиш. – Встретился с Лапочкой.

Мамуша достала из печки большую полку с аккуратно разложенными круглыми пышками, обсыпанными лепестками. Готовая сдоба благоухала. Мамуша потрогала одну из самых удавшихся, похвалила пышмы и облизнула пальцы.

– А чудище? Про чудище забыл? – прожужжала Афи, делая круг над сладостями.

– Афи! – поднял глаза к потолку и шикнул Хомиш.

– Чудище?! – полка с грохотом выпала из лапок мамуши. – Что еще за чудище? А ну шибче рассказывай!

Пышмы, подскакивая, раскатились, и Афи спешно кинулась собирать их с пола.

– Шеликантер и шмедведь. Это были шеликантер и шмедведь, – попыталась объяснить норна с набитым ртом.

– Час от часу не легче! Великантер и ведмедь. Два чудища! – мамуша осела на кривоногий стул.

– Сказать откровенно, и нам было не до смеха, – разъясняя сбивчиво Хомиш, тоже устремившийся за разбежавшейся выпечкой. – Все обошлось, – поглядывал он на встревоженную Фло Габинс, складывая сдобу обратно на противень. – Они нас не заметили.

Мамуша напрочь забыла, что первая партия пышм испорчена, что вторая полка внутри, и комнату уже заполняют не ароматы сдобы, а запахи обуглившихся головешек. Она строго отчитывала Хомиша, вернувшегося в припечное кресло:

– С чего вдруг великантерам шататься по нашим полям? Ни к чему, и чтоб ведмеди ока-янные плутали промеж деревень. Не пугайте мамушу. Хомиш, что-то еще стряслось? Великантер в муфликовых деревнях! Со времен древних пращуров такого не бывало. Да вообще никогда такого не бывало на моем веку. Их дело сидеть там, в Загорье, и охранять, чего там

они охраняют. Кто бы ведал их темные дела да что за помыслы за рогатыми каменными их лбами. А это верно были великантер и ведмедь?

Хомиш только хотел успокоить мамушу, но за него ответила норна. Афи лакомилась и изредка присоединялась к разговору:

– Точно! Хоботком клянусь, – тараторила она и между словами продолжала запихивать в себя крошки, уже порядком раздувшись от сладкого. – Норны видели. А норны знают, что говорят. Норна Кух, которая видела, передала норне Юби, а норна Юби передала всем остальным норнам, что это мог быть и великантер.

Мамуша ругнулась еще раз на чудищ, схватилась за голову. Чепчик, венчавший ее, примялся и жалостно обмяк.

– Все поведать Хранителю! Сердце чувствует, за этим он и прилетал. Ты ему перескажешь, когда прилетит? Ничего не утаишь от Хранителя? Обещаешь, Хомиш?

Хомиш угукнул.

– А еще шибче пообещай, успокой сердце мамуши – не будешь пешком уходить далеко за деревню. Никогда! Слышишь, малуня?

– Мамуша, – попытался объяснить Хомиш, – что может навредить в Многомирье? Там, где поля радостецветов цветут до горизонта? Ну носят норны слухи про Загорье и морок в пещерах, но это же сказки, чего их опасаться-то? Великантеры далеко, им не перебраться через великие горы. Пески печали... – Хомиш задумался на мгновение, – так и они от всех деревень далеко, не дойти. Что еще? Ведмеди? И не ведмедь был, может, то чудище.

– А может, был и не ведмедь, – подхватила Афи. – Норна Юби, когда рассказывала всем остальным, обронила, что это может быть как раз и не ведмедь. А невиданное существо из мира людшей. Или что еще морочное, или фаялит какой чудный...

Комната начала заполняться черным дымом, и Фло вскочила к печи.

– Малуня, – она наскоро вытащила вторую полку из печки. На полке лежали только черные крошечные головешки. – Жизнь, она такая хрупкая. Хрупче жизни только мир и счастье. А Многомирье растет, и оно такое огромное, такое непостижимое, что порой мы сами не знаем, что может в нем сотвориться. А потому всегда держи ушки остро, даже здесь, в самом уютном мире.

– Даже в нашем большом пне?

– Вот только в нашем большом пне ты и в полной безопасности. Полно, малуня. Мамушино сердце совсем всполошилось, и воздух стал черным. Пока разгонишь гарь несусветную, принеси-ка из храма корзину ягод непечалиуса. Надо б успокоиться. Сварю чай спокойствия. Сегодня без чая спокойствия не обойдемся.

Глава 7. Бабочки тревожных снов

Развешанные между кухонными полками и буфетом свежие, еще не пожелтевшие охапки трав и веток перешушукивались, покачиваясь от теплого сквозняка. Афи застряла в них крыльями, но выбралась, разворчалась и была такова. Час стоял предвечерний, папуша Фио задерживался на полях, и на кухне Хомиш и мамуша Фло по-прежнему оставались вдвоем.

Фло копошилась над соломенными корзинами, что Хомиш принес из храма. Любимое занятие не терпело спешки. Много времени отнимала работа в храме Радости, но чаеварение и изготовление напитков – без этого невозможен ни один день Фло Габинс.

Она тщательно выбирала чистые листья, зарываясь лапами в круглую корзину с витыми мягкими ручками. Осматривала и откладывала хрупкие соцветия, жухлые сморщенные ягоды и ровные стебли, доставая их из другой – квадратной – корзины с невысокими бортами. Причмокивала и изредка переговаривалась с Хомишем, что сидел за ее спиной и, взобравшись с лапами на папушин стул с высокой резной спинкой, изучал темные пятна, появившиеся на домашнем радостецвете.

– Смотри-ка, дыра, – сокрушалась Фло Габинс, – опять большеухи пробрались в храм и прогрызли корзины. Ох-ох-ох, попотчевались составом для спокойствия. Надо бы в храмовой кладовой все корзины просмотреть, – продолжала она, не отрываясь от отсчета ингредиентов. – Сбилась, сколько ж уже положила? Семь веточек вагустры. Нужно еще одну и четыре луноцвета. Листья позабудки и десять веточек негрустина. Три жмени ягод непечалиуса. Ирис, а куда запропастился ирис?

Мамуша закидывала по очереди травы, цветы, ягоды в бурлящую в чане воду. Каждый новый ингредиент посуда встречала доброй порцией густого пара.

– Мамуша, и мне чая, – оторвался наконец от радостецвета Хомиш и придвинулся вместе со стулом к столу, где орудовала травница. Он сложил крест-накрест лапы, водрузив их вместе с локтями на стол и уместив сверху подбородок с ямочкой, и стал наблюдать, как волшебничает мамуша.

– Хомиш, ты уже пил сегодня чай спокойствия, – мамуша на миг замерла и приостановилась в новом коротком походе от трав к бурлящей на печи посуде. – И тебя все еще что-то тревожит?

– Тревожит. Радостецветы болеют, разобраться мне б, отчего. Вот и папуша отмечает – беда-беда на полях с цветами радости. Просыпаться не хотят.

– Может, им корни грызут большеухи? Надо подсказать Фио... А чего? Глянь, как мои корзины и мои запасы трав, – мамуша охнула, повернулась к Хомишу и протянула в лапке попорченные веточки и разгрызенные засушенные плоды. – Что за белоземье было? Голова кругом.

– Мамуша, белоземье было впрямь не как иные, – осторожно произнес Хомиш. Его ушки прижались, а подбородок глубже врезался в удобно лежащие на столе скрещенные лапы. – В это белоземье ко мне прилетало так много бабочек снов. И прилетали черно-красные.

Фло пристально окинула Хомиша тревожным взглядом.

– Всегда помни, малуня – какой бы злой сон не пришел, главное, вовремя от него проснуться. Всегда так делай, когда к тебе прилетают черно-красные бабочки.

– Я-то помню, – откинулся на спинку стула Хомиш. – В это белоземье снов было больше. Иные узнавал, и просыпаться не хотелось. Эти сны теплые и пахнут вкусно, как эти пышмы твои. – Хомиш втянул воздух, словно снова погрузился во вкусные сны. – Но в первый раз прилетали и такие, каких я в жизни не смотрел. От них и просыпался несколько раз, как ты и велела. Один раз даже вставал и слышал, как ты беспокоилась о чем-то, а папуша спорил.

Сказать откровенно, почудилось – вы ссоритесь. Но потом смекнул – это тоже сон. Вы же с папушей не ссоритесь.

– Малуня, никто в муфликовых деревнях не ссорится, и мы нет. Зачем это? Муфли живут долго, но муфли очень мудрые, и они не тратят время на глупости. Не по нам это. Мы лучше потратим время на вкусную еду, на сердечную беседу, на добрый праздник или на то, чтобы обнимашкаться.

Мамуша была права, здесь такие долгие времена стояло спокойствие, что никто и не мог вспомнить, а было ли когда-то в этом славном огромном мире по-иному. Даже злые сны редко прилетали к обитателям Многомирья.

Но при этом мамуша вздохнула так глубоко и беспокожно, что даже росток радостецвета в горшочке затрепетал.

– Мамуша, мне не уразуметь, что ж изменилось. Но с тех пор, как проснулся, каждый день мне чудится и страшным, и захватывающим. Вот как ты. И спокойная ты, и тревожная. Все от того, что просто я повзрослел?

Мамушина грудь снова всхолмилась от глубокого вздоха. Хомишу не понравилось, как почтенная муфлишка закусил губу и стала теребить и комкать веточку вагустры.

На кухне булькал отвар, сухо шебуршали подвешенные на цветные ленточки зеленые припасы главной травницы, и тихо потрескивал огонь в печи. Кто-то чихнул во дворе и поскребся вроде бы в окно, заigoгокала испуганно новая каняка папаши Фио в стойле, но затем снова все затихло.

Мамуша как не обращала внимания на все эти звуки и молчала. Хомиш попытался сам понять, что же так тревожит его все время с самого первого мгновения пробуждения, что каждую минуту поедает изнутри? «Видно, это моя трусость», – предположил мысленно Хомиш, и бутон домашнего радостецвета как будто кивнул в знак согласия.

Он надеялся, что проснется другим Хомишем. Тем Хомишем, которого мамуша не будет называть малуней. Тем Хомишем, которым будут гордиться папуша и Фрим, тем Хомишем, на которого Лапочка будет смотреть не со снисхождением, а с обожанием.

– Кто бы ведал, что случилось, – заговорила наконец мамуша, словно нашла единственно подходящий ответ. – Может, повзрослел не ты. Может, повзрослели все в нашем Многомирье. И мы, и наши жилища, и наши мысли. И даже само Многомирье.

Голова Хомиша склонилась. Мамуша еще помолчала и сказала:

– Не дело это, в добром жилище тревогу кормить. Полно тревожиться и сомневаться. Вырос мой малуня. Хоть и не смогу признаться себе, что такой взрослый. Такой взрослый, что наверняка скоро захочешь подарить любоцвет какой-нибудь прелестной муфлишке. Да, малуня? – хитро посмотрела на своего сынушу Фло Габинс и подмигнула.

– Мамуша, – пуще прежнего вздохнул Хомиш и посмотрел на мамушу исподлобья, – ты опять называешь меня малуней...

– Но вокруг же никого нет. Обещаю – буду называть тебя малуней, только когда вокруг ни души, – и мамуша попыталась забыть о том, что все сегодня чрезвычайно не так, как всегда, и даже воздух словно стал гуще и начал менять оттенок, как это делают муфли, когда меняется их настроение. Она потрепала Хомиша по грубой шерстке на затылке и махнула в воздухе лапкой, как если бы тревожные мысли обрели плоть и как норны жужжали и летали вокруг нее. – Ириса нужно побольше. Ты знаешь, что слово «ирис» идет от слова «радуга»? Ирис обязательно нужен для чая спокойствия.

– Мамуша, я смекнул, – вдруг оживился погрустневший Хомиш, шкурка муфля изменила цвет, – мне не нужен чай спокойствия. Мне нужен чай смелости.

Мамуша порадовалась такому преображению.

– Хомиш, – подошла она и погладила его по голове, не выпуская из лап веточку, – запомни, чай не подарит тебе вечной смелости. Любой мой напиток поможет тебе на жалких несколько мгновений. Тебе не нужен чай смелости, поверь.

– А что нужно? Мамуша, я чувствую себя трусливым. Таким ничтожным. Я... – искал слова Хомиш и смотрел на мамушу снизу вверх, – когда... тогда... как мы встретились с чудищем, повел себя не так...

– Как ожидала Лапочка? – подхватила Фло Габинс и снова подмигнула влюбленному муфлю.

– Ага, – вытолкнул Хомиш из глубины души.

Хомиш вымучил это «ага», но что оставалось делать? Его шкурка снова выдала правду за него.

– Ты смел, малуня. Верь сердцу мамуши. Часометр тикает и всему отмеряет свое время. И давай-ка оставим все эти нерадостные разговоры и соберем побольше чая спокойствия. Он всем сейчас не помешает. Непокойно вот тут, под нагрудником. И Хранителю наварю.

– Мы видели глифа Хранителя. Когда он опять прилетит, мамуша?

– На праздник, надеюсь. Хомиш, ты ему отвезешь приглашение. И все тревоги ему поведаешь, и про черно-красных бабочек, и про чудище, и про все. – Хомиш кивнул согласно головой. – Вот и знатно. Да, Хомиш, как это мы не подумали! Праздник! – мамуша даже вильнула пышной юбкой вправо-влево от предвкушения. – А на праздник нам нужен будет эль. Даже отлегло. Ты же знаешь, что эль я люблю варить больше, чем чай спокойствия. Ведь чай спокойствия нужен в минуты грусти, а эль – в минуты радости. Не дело муфлям варить что-то для грусти. Правда, малуня? Все отложат работу. Соберутся на храмовой площади. Заведем наш патифон. Муфли наденут свои праздничные шапочки, новые красные ботинки и лучшие наряды, поставим громадный праздничный стол, накроем его самой белой скатертью-вышиванкой. Слетятся норны и гости, все рассядемся, будем пить эль, а потом плясать кафуфлю и петь.

Хомиш ничего не ответил, но мамуша уже его и не слушала, она уже пела свою любимую песенку радости и виляла юбкой, будто уже танцует:

*– Печали нет и страха нет,
Когда цветет радостецвет.
Покроет радость, как эфир,
Весь верхний мир,
Весь нижний мир.
Нет зла, болезней, нет вражды,
Когда в полях цветут цветы...*

Хомиш смотрел, как мамуша теперь легко, не по ее годам, перемещается по кухне между добротным обеденным столом, шкафчиками цвета молодой травы и расписным буфетом, на котором птицы и лалани пританцовывали вслед за приободрившейся Фло Габинс.

Ее юбка уходила влево, и она лихо поддевала крышечки пузатых звонких баночек. Ее юбка улетала вправо, и она порхающими движениями доставала и перемешивала листики, цветки, стебли, бутоны, ягоды.

Хомиш обожал наблюдать. Он не впустую глядел, как иные муфли. Он видел. А ты ведь догадался уже, мой дорогой читатель, что глядеть и видеть – не одно и то же.

Муфель Хомиш любил следить за тем, как засыпают радостецветы, как открываются под его внимательным взглядом радостениевода новые растения. Как мамуша готовит свой чай и записывает самые удачные рецепты в толстую, уже покрывшуюся цветом старости книгу.

Он замечал, что у всего есть свой цвет: у детскости, молодости, старости. У муфлей, растений, глифов, земли.

У рождения, расцвета, умирания.

У мамушиных одежд тоже был свой цвет. Для приготовления завтраков она надевала белый фартук. Для работы с отварами да чаями – зеленый в цветочек. Для праздников у мамуши было особое розовое платье.

И у муфлей свой цвет. Точнее, два цвета. Фиолетово-сиреневый и бесцветно-серый.

Фиолетовые, сиреневые – это все честные, светлые и добрые муфли, живущие чинно да по муфликовым законам.

А стать бесцветным для муфля страшнее страшного.

Стать бесцветным – это практически значит для муфля то же самое, что и сгинуть.

Хомиш вернулся из своих мыслей, тревога окончательно покинула его сердечко, и он уже хотел пойти в оранжерею, но дверь распахнулась, и в комнату ввалился папуша. Довольный, громкий и грязный. Веточки в охапках зашелестели приветственно, а края мамушиных губ и ушек поднялись вверх.

– Стоит произнести «эль», и Фио здесь как здесь! – вместо приветствия произнесла мамуша.

– Моя Фло варит эль! Ой-ля-ля! – Папуша Фио всегда заполнял собой любое пространство, в котором оказывался. Вот и сейчас он будто не землю и грязь занес на сапогах, штанах и кожаном жилете, а вернул в жилище вместе с предвкушением праздника что-то легкое и игриво посверкивающее, как ночные огоньки. – Флошечка наварит эля? – потер лапы и подкрутил правый ус Фио Габинс, скинул сапоги и прищелкнул языком.

– Заходи шибче, Фио. Будет скоро и эль, – расплылась в улыбке мамуша Фло. – Но! – она подняла указательный палец вверх. – Эль для праздника.

– Эль! – приобнял мамушу Фио. – Расчудесно, Фло! Верно, праздник будет особенным. – Где бы ни заходила речь об эле, папуша Фио всегда появлялся в тот самый момент. Как если бы слово «эль» было каким-то заговорным словом, которое вызывало сразу и папушу. – Фло, моя дорогая! Что за славная моя Фло!

– И даже теперь повторяю – эль для праздника.

– А разве сейчас не праздник? Всегда, когда я вижу свою женушку, для меня это праздник.

Мамуша прыснула, и ее шкурка приобрела розовато-алый оттенок. Она прижала ушки и громко чмокнула папушу в щеку, а Хомиш со спокойным сердцем удалился заниматься всеми теми удивительными цветами и растениями, что обнаружил во время своего путешествия.

Глава 8. Чрезвычайно важная работа

Так странно, мой дорогой читатель, но время в белоземье обычно тянется, как дерево бесконечности без кроны и листвы. Ни конца ни края. Смотришь, смотришь, а его необъятный ствол длится, длится, длится и в высоту, и вширь. Может показаться, что предела у него нет. Ствол нескончаемый, да и только. И грустно от этого и безысходно.

Но зато в пору цветолетья время проشمыгнет мимо – и не заметишь. День за днем пролетают, как самая быстрая норна. Ты скажешь, что так обстоят дела не только в Многомирье, но и в мире людей? И будешь прав.

Цветолетье – время быстрой радости, ярких снов и самого любимого муфликового торжества. Любимого и главного.

Рано утром мамуши суетились и пытались растолкать домочадцев на работу. Но когда уже близится праздник Большой Радости и воцарения вечного мира, к муфлям прилетают особенно яркие бабочки снов. Те, что приносят на крыльях радужные переливы. Каждый муфель любит их.

– Просыпайтесь! Просыпайтесь! Все поля засохнут, вся радость увянет! – звучало ото всюду. – Радостецветы соскучились по пыльце. Кто будет все поля будить?!

В жилище Габинсов тоже никто не торопился просыпаться и вспугивать крылаток, сидящих на муфликовых лбах до той поры, пока не заканчивался сон. Прогнать их раньше – значило нарушить ход преприятнейшего видения.

Муфли любят работать, но и поспать тоже любят.

– Все, все, все! Э-э-эй, сонюшки! – разорялась мамуша Фло, обвязываясь белым фартуком с мелким кружевом понизу. – Стыдоба лежать, когда солнце выше крыши встало. А как стяну все одеяла?! Скидывай лапы с кровати, каждый муфель в этом жилище!

Мамуше отвечал дружный храп, доносившийся из комнат. Сегодня отвечать на утренние стенания Фло охотников не находилось. И бабочки уютно сидели на лбах, ушах и волосах.

Только мурчал Поюн и норна Афи составили мамуше компанию. Поюн, уставший гонять солнечного скоропрыга, утихомирился и умывался, сидя на подоконнике рядом с радостецветом в горшочке. Афи сновала туда-сюда по дому и прыскала от смеха при каждом настойчивом крике мамуши, заглядывая в раскрытые рты сладко спящих.

– Все одно всех побужу! Ну, держитесь! – не выдержала и завопила мамуша Фло. – Недосужно мне с вами вошкаться. Нынче мамуша работает в храме. Стягиваю книгу, готовлю чай. Сами виноватые, и потом никто не хмурится!

Мамуша обтерла лапки в муке о фартук. Подтащила добротную тяжелую табуретку к буфету, открыла створки, привстала на цыпочки, нащупала на верхней полке увесистую «Книгу чаев да отваров мамуши Фло», открыла и пробежалась глазами по содержанию. Ноготком отметила страницу «Чай для пробуждения».

– Последний раз предупрежда-а-а-аю! Афи, что ж? Спят?

– Все как один, – дoloжила Афи.

– Кончено! Будем заваривать чай просыпания. Афи, где у нас чайник от бабуши Круль? Вот он, любимый мой чайник, – мамуша схватила большой чайник, расписанный наивными цветами и существами, отдаленно напоминающими пчелоптиц.

– Хоботком ручаюсь, пчелоптицы у бабуш-ш-ш-ши Круль получают милейш-ш-ш-шими, – в сотый раз прожужжала похвалу волшебной посуде Афи.

– Афи, ты говоришь так всегда, как достаю ее. Что ж, яснее ясного. У самой сердце улыбается. А уж чаек из нее... у-у-у, знатный. Во все уши влетело?! – еще раз удостоверилась мамуша в том, что никто в доме не встал.

Фло нарочно громко поставила чайник на печь. Испуганные пчелоптицы разлетелись с его боков и перенеслись на пузатые кружки, любимые домочадцами, придерживая лапками чуть прихваченные жаром печи нарисованные попки. Чайник, на котором остались только нарисованные цветы, запыхтел.

– Всем пить чай, – разговаривала мамуша непонятно с кем, то ли с Афи, то ли с волшебной посудой бабуши Круль, то ли сама с собой. – Велено было вставать, так нет же, – мамуша ворчала и перемешивала деревянной лопаткой заварку. – Сейчас все у меня и пробудятся, и на поля полетят. Шибче норн полетят. Афи, а ну набирай в хоботок.

Афи залетала во все комнаты, прыскала чаем из хоботка на спящих и мгновенно испарялась. Вслед за этим на кухню повыскакивали по очереди: Фио Габинс из родительской спальни, Фрим из своей комнаты, и самым последним, припрыгивая и запинаясь, сошлепал с лестницы Хомиш.

Взбудораженные домочадцы громыхали, возмущались, махали лапами, пытаясь отомстить виновнице столь недоброго пробуждения. Но поди поймай юрливую норну, поджавшую хоботок и визжащую под потолком между пучками трав!

– Утрите мокрые мордочки, и шибче все на кухню. А ну у меня! – мамуша утихомиривала взбунтовавшуюся ватагу, сквозь смех глядя на всклокоченные волосы и выпученные глаза. Надо сказать, что Фло Габинс – муфлишка строгая, но добрая. Как и положено главной в деревне храмовнице и травнице.

Ей ли не знать, что нужно каждое утро открывать на полях каждый цветок! Самая важная для всех муфлей работа. Не всякий радостецвет сам поднимает тяжелый ярко-желтый бутон и раскрывается для того, чтобы норна нырнула внутрь и стряхнула со своих шерстинок пыльцу радости. Ту пыльцу, которую она тщательно собирала и несла. Ту пыльцу, которую на следующий день радостецвет приумножит внутри своего соцветия и выпустит вверх, в дождевые облака. Это чрезвычайно важно не только для Многомирья, но и для мира людей. Хотя люди даже не ведают об этом. Но какая разница? Главное, что об этом ведают в Многомирье.

– Поели? Шибче на работу, засони! Чего вы сегодня такие, – бередила семью мамуша. – Фио, покажи пример сынушам.

– Фло, что ж за канитель?! – возмущался и потирал живот папуша, пытаясь ухватить еще один оладушек. – Надо непременно перед работой набить брюшко, да посытнее и в спокойствии.

– Во сне вы животы не набили? – возмущалась Фло и суежилась. – Проспали! Хранитель вас не видит! Фрим, чего стоишь? Ты сегодня с папушей. Фио, а ты чего? Бригады уже заждались. Ну не смотри на меня так! В сумке уже все приготовлено – чай бодрости и оладушки. Сегодня они с яблочками.

– С яблочками. То-то я почувал – вкусные как никогда. Хороши с яблочками, – папуша сопел и продолжал копошиться с одеждой. Сегодня он был копошливее обычного, не в пример мамуше. Фло порхала по кухне, накидывая бездонные сумки со снедью на домочадцев, и подбадривала каждого из них. – Как же ж, – нерасторопно обувался папуша, – напилась, кажись, волшебного чая с утра, вот и бодрая, словно тебе всего пятьдесят лет, а не твои семьдесят три.

– Семьдесят три еще молодость. Я и в сто, да и в сто пятьдесят буду как норна, юркая да сметливая.

Папуша Фио широко улыбнулся, «ойлялякнул» и прихлопнул женушку по юбке. В отличном расположении духа он вышел на задний скотный двор и, припевая: «Флоша-Флошечка моя, что за душка, ой-ля-ля», – накинул на любимую белую каняку синюю упряжь. Гордо вывел со скотного двора. Яркая добротная упряжь каняки бригадира была видной. Он купил ее в позапрошлом белоземье в ярмарочном квартале деревни Сочных Лугов. Долго торговался, но прикупил за две монеты, и с той поры упряжь стала его приметой и особой гордостью.

Деревня Больших пней загудела и закипела работой.

Папуша Фио припевал и поглаживал изредка короткую бородку. Он вел бригады рабочих муфлей, восседая и покачиваясь на своем жеребчике. Стаи рабочих норн летели за ними. Нужно было расставить на каждое поле свой отряд. Дорога была шумливой. Неусидчивые и беспокойные норны в пути делились новостями и сплетнями, которые они насобирали вместе с пылью радости. Работники переговаривались, пели или внимательно слушали их болтовню. Иногда новости были такими интересными, что то там, то здесь раздавались цоканья и восклицания: муфли уточняли или дорасспрашивали мелких болтушек.

– Вот это новость! – вдруг раздался очередной возглас. – Вы слышали?!

– Неужели появились ведмеди? – воскликнул кто-то еще.

– Страх какой! – Откуда между деревнями стали ходить великантеры? – Ведает ли Хранитель? – пронеслось по бригадному строю.

– А ну забыть такие разговоры! – прикрикнул папуша Фио и зыркнул на негодовавших и немного испуганных муфлей. – Что за трекотня?! Если болтать да слушать чепуху всякую, тогда все станут только и делать, что страшиться да в бомбороки падать. Для радостной жизни и времени не останется. А что за жизнь без радости, и что за работа?

Папуша натянул удила, рот каняки открылся, длинная шея немного напряглась, и жеребчик зафырчал, запрокинув голову.

– Фр-р-р! – закричал снова папуша. – Не фырчать! И ты туда же, вслед за норнами и слишком уж языкастыми муфлями.

Каняка выгнулся, встал на дыбы и попытался скинуть наездника.

– А ну тут у меня! – натянул удила туже и легко хлопнул жеребчика по шее папуша Фио, вслед погладил. – Добрый каняка. Хороший каняка. Послушный каняка.

Белый жеребчик присмирел.

– Радостениеводство, – вещал папуша Фио, объезжая пеших муфлей, – не терпит грубости, страха и грусти. Наша работа – выращивать радость, а норнам лишь бы поболтать. Разумно долдону?

– Разумно! – дружно и громко согласились бригады и приступили к своему обычному, ежедневному, чрезвычайно важному для двух миров труду.

Глава 9. Храм Радости в деревне Больших пней

На площади в этот час не было ни души. Если не считать нескольких слишком уж разошедшихся радованков, что свили гнездо и вывели трех птенцов, да не где-то там, а прямоком на верхушке кривой осины позади храма. Или радованки хотели поведать об этом всем жителям деревни, или учили выводок песням, поди их разбери, но шуму от них было больше, чем обычно. Впрочем, они не мешали храмовой двери.

Дверь спала и даже негромко прихрапывала, когда за круглый оповещатель взялась лапа Лифона.

Муфель довольно сильно стукнул тяжелым кольцом, и веки закрытых глаз храмовой двери вздрогнули, но не открылись. Лифон снова ухватил тяжелое блестящее кольцо и ударил три раза, проговорив вслух при этом:

– Тук, тук, тук.

Дверь зевнула, медленно открыла глаза и уставилась на муфля.

– Как бы тебя ни величали, о прихожанин, я рада тебя впустить в храм, – торжественно произнесла дверь.

– Тьфу ты, – буркнул себе под нос Лифон и сделал два шага назад.

– Что ты сказал, о прихожанин? – уточнила дверь и снова зевнула.

– Открывайся, сказал. Я в храм иду, а не с болтливой дверью трекотать.

Дверь обиженно поджала губы, скрипнула и, делая ударение на каждом слове, с холодной вежливостью повторила:

– Как бы тебя ни величали, о прихожанин, но ты должен сказа...

– Ага. Заветные слова, – нетерпеливо перебил ее Лифон.

Дверь с обидой в голосе от того, что ее осекли, продолжила:

– Сказать слова, заветные для каждого доброго муфля, который хочет войти в храм Радости.

– А если забыл? Забыл, и все.

Но, не желая и дальше стоять у закрытой двери – а двери из казьминного дерева, надо отметить, обладают привереднейшим характером, – муфель все же произнес заветные слова.

Дверь распахнулась. Необъятная по своим размерам зала, залитая волшебным светом, открылась перед Лифоном. Свет исходил от прозрачного витражного купола, что был разбит на диковинные узорчатые фрагменты. Опоры и перекрестья для них ковали, видно, самые умелые муфли. Не иначе, как из деревни Кузнецов. А уж кто мог создать такие тончайшие витражи, пожалуй, лишь Хранителю было ведомо и, верно, еще местной храмовнице – Фло Габинс.

Если бы Лифон присматривался, он бы увидел в этих витражах целые сцены, изогнутые растения и увлекательные сказы, но Лифона увлекло другое – блеск, исходящий от лучей, отбрасываемых куполом. Все переливалось драгоценно в их сиянии, все сверкало, и золотилось, и серебрилось, и было ярким, что самый нарядный кафтан из парчи.

Круглая витая лестница, ведущая куда-то вверх, белые стены, книжные полки до потолка и книги на них, блестящие поверхности подсвечников – повсюду играл цветной волшебный свет. Он проникал и высвечивал самые темные углы, но не в душе Лифона.

В отличие от площади, здесь, внутри, было полно муфлей. Все они на миг отвлеклись, глянули на того, когопустила казьминная дверь, и вновь вернулись к своим занятиям. Трое муфлей, сидя на скамьях возле библиотечных полок, читали под витражными лучами желтого цвета, пятеро что-то царапали за большими столами на листах бумаги, периодически прикусывая чернильные перья, по ним скользили ярко-зеленые лучи.

Лифон побродил, обнаружил вокруг храмовницы тесную толпу, попытался протиснуться, но куда там! Поглядывая на печенье, что стояло возле мамыши Фло, окруженной муф-

лями, прошел несколько раз между полками, подпирающими высокие своды, для вида полистал одну из попавших под лапу книг, небрежно поставил ее обратно, развернулся и вышел.

Зевнув, Лифон почесал затылок. Через мгновение он спустился с храмовых ступеней и направился в каменную пристройку справа от главного входа – то была оранжерея Хомиша. Здесь уже дверь молчала и не пыталась заговаривать с каждым в нее входящим. Этим-то и отличаются обычные двери от храмовых.

– Как же это всегда меня умиляет, – недовольно пробурчал Лифон, споткнулся о корзину с торчащими из нее травами и, приругиваясь, вошел в оранжерею.

– И тебе сдобровать, Лифон, – бегло глянул и поприветствовал недовольного друга Хомиш, что рассматривал цветы в крошечных глиняных горшочках, и незамедлительно вернулся к своему занятию. – Что ж умиляет, Лифон?

– Ну, эти законы и словечки глупышные, – зло бросил Лифон, пробираясь между коробочками и корзинами. – «Хочешь унести отсюда счастье, принеси сначала сюда радость». И эта дверь из казминного дерева. Такая настырная, как норны. Хотя в жилищах двери из молчаливых деревьев. Иначе жить было б не вмоготу с такими болтунами повсюду. Мало норн на наши уши. Еще и эти: «Как бы тебя не звали, о прихожанин...» Тыфу на них.

Хомиш отвлекся вконец от растений, расставленных рядком на широком деревянном столе перед ним, и пристально посмотрел на вальяжно рассевшегося в его рабочем кресле гостя.

– Лифон, – решил уточнить он у раздухарившегося ни с того ни с сего друга, – думается мне, ты на полях быть должен. Чего ж не на полях со всеми?

– Ну а ты же не на полях? – откинулся на спинку Лифон, но вслед заерзал, пытаясь усесться удобнее. – Есть что помягче? Жестко.

– Не в жилище явился, а в рабочую оранжерею. Здесь работают, зачем же помягче, – разъяснил Хомиш.

– Скукота, – зевнул Лифон и ругнулся: – Вот, все ж эта дверь! Все как она я раззевался.

– Что дверь? Не от двери зеваешь, – Хомиш понимающе улыбнулся. – От скуки явился?

– Чего от скуки? – наигранно возмущился Лифон и подался вперед. – А если наведалься в храм, как все добрые муфли – к мамуше Фло? Или к тебе пришел с секретным разговором? Ага, не веришь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.